

ББК 82 (2 Рос)
Б 87

Ответственный редактор
профессор Я.М. Кофман

Иосиф Бренер

ЛЭХАИМ, БИРОБИДЖАН!

Бренер И.

Б 87 Лэхаим, Биробиджан! / И. Бренер; отв. ред. Я.М. Кофман. –
Красноярск: Изд-во «Красноярский писатель», 2007. – 336 с.
ISBN 5-98997-010-2

Книга написана на основе изучения архивных материалов, опубликованных исследований и личных воспоминаний автора. Подобного рода комплексное исследование истории города Биробиджан предпринято впервые. В книге последовательно рассматривается история столицы Еврейской автономной области от приезда первых переселенцев до настоящего времени.

Адресована историкам, краоведам, учителям, а также всем, кто интересуется историей Дальнего Востока и проблемами еврейской диаспоры.

ISBN 5-98997-010-2

ББК 82 (2 Рос)

© И. Бренер, 2007

КРАСНОЯРСК 2007

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«И увидел я, что нет лучше для человека, чем радоваться делам своим, ибо это доля его. Ибо кто приводит его взглянуть на то, что будет после него?»

Книга КОГЕЛЕТ, глава 3, 22

История этой книги, как и то, что в ней изложено, уходит в далёкое прошлое. В мир предков, молодости родителей, нашего детства. Страницы истории, записанные в великой Книге Жизни, хранят ещё много неизведанного о нашем бытии. Эта божественная летопись, в которую многие пытаются заглянуть и где ведется запись о каждом сыне человеческом с момента его рождения и до самой смерти, ещё прячет от наших глаз правду жизни. Возможно, это Всевышний иногда открывает нам завесы, указывает на полки с документами и подсказывает, с какой стороны необходимо начать исследование.

Уже многие годы историки, писатели, поэты обращают свой взор к нашей Еврейской автономной области. Они приезжают к нам убедиться, что здесь ещё живут евреи, потомки первых переселенцев, они ищут ответы на многие вопросы, и этот интерес не пропадает и сегодня. Может, когда-нибудь эти ответы будут, наконец, собраны воедино, и мы узнаем подлинную историю освоения этой земли, ставшей для многих из нас судьбой и Родиной, а для кого-то – только точкой на географической карте нашей планеты.

На протяжении многих лет в моём небольшом семейном архиве хранились старые фотографии родителей, далеких родственников из Америки, Молдавии, письма на идиш и русском языках, написанные на листках из школьных тетрадей, оригиналы пожелтевших документов, различные справки, удостоверения, которые на ощупь напоминают тонкую мягкую замшу. Иногда я клал их на стол, тщательно рассматривал, что-то для себя отмечая, и возвращал на старое место.

С годами желание прикоснуться к своим генеалогическим корням, разгадать причудливые переплетения человеческих судеб и исторических обстоятельств, определивших жизненный путь родителей и родственников, моё появление на свет Б-жий, стало для меня необходимостью и частью жизни. Часто, созваниваясь со своими родными, спрашивая их, я пытался найти любую ниточку, малейшую зацепку, которые могли бы привести мои поиски к положительному результату. Сотни раз выходил в Интернет, бродил по «всемирной паутине», питая слабую надежду разыскать родных.

О своих потерянных родственниках рассказывал десяткам зарубежных корреспондентов, с кем мне приходилось встречаться по работе, в надежде, что кто-то напечатает, а кто-то прочтет и вспомнит о своем далеком прошлом, о родственниках из России. Результат был нулевой, но, как говорится, это тоже результат.

Картины безвозвратно ушедшей эпохи, в которой навсегда остались мои беззаботные детские и юные годы, молодость моих родителей, друзей и знакомых, все отчетливее вставали перед глазами. Многих уж нет, других судьба разметала по свету, но память о людях и событиях не отпускает меня, я вижу ясно их лица, слышу их голоса...

Подобно тому, как в физике необходима критическая масса для запуска цепной реакции, объем накопленной за время моих поисков информации превысил некую критическую величину, и я почувствовал, что больше не могу держать в себе переполняющие меня образы и картины.

Желтеют фотографии, тускнеет наша память, но слово, запечатленное на бумаге, остается жить на долгие сотни и даже тысячи лет. Неодолимое желание удержать от полного забвения картины нашей прошлой жизни, образы милого моему сердцу Биробиджана – старого и молодого, с его бревенчатыми постройками, скрипучими мостами и деревянными дощатыми пешеходными тротуарами и дорожками, с его тихими улочками, тенистыми скверами и пышным задумчи-

вым парком – живым уголком дальневосточной тайги на живописном берегу Биры, – заставили меня взяться за перо.

Начав писать, с удивлением почувствовал, что слова сами собой складываются в строки, образы прошедшей жизни встают со всей отчетливостью перед моим мысленным взором, и уже пальцы не успевают набирать на клавиатуре слова и предложения, заносая в магнитную память компьютера информацию из нашего прошлого. Бывало, далеко за полночь я не мог уснуть: растревоженная память продолжала воссоздавать четкие картины полувековой давности. Что-то заставляло меня встать, и я торопливо записывал на листе бумаги возникшие воспоминания, стараясь ничего не упустить, и уже после засыпал, успокоившись, что ничего не потеряно.

Мои родные и близкие, друзья и даже незнакомые мне люди помогли восстановить картины прежней жизни, предоставили интересные документы и фотографии из семейных архивов. Еще отчетливо не осознавая, для чего и для кого предназначаются мои воспоминания, я продолжал работать. Подспудно чувствовал, что это не только моё, личное, это уже частички нашей общей жизни, которые будут трогать сердца тех, кому выпала судьба жить в те годы. Друзья, прочитав первые очерки, настоятельно советовали продолжить повествование, расширив его временные рамки. Многие звонили, напоминали о тех или иных событиях полувековой давности, просили не упустить драгоценные подробности жизни Биробиджана времен их юности.

Нельзя было не почувствовать, что, пытаясь оказать мне помощь, делясь своими впечатлениями о пережитом, люди получали огромное удовольствие. И действительно, в той жизни при всех тяготах и проблемах было немало хорошего. А хорошее остается в нашей памяти дольше, чем плохое. Я благодарен всем, кто помог мне собраться с мыслями и написать о прошлом Биробиджана.

В Государственном архиве Еврейской автономной области мне удалось разыскать дополнительные сведения о своем

деде, который в 1928 году прибыл в Биро-Биджан в числе первых как плановый переселенец. К сожалению, сегодня в нашей области в живых осталось лишь несколько десятков «могикан».

К юбилею области на привокзальной площади Биробиджана в память о переселенцах появилась отлитая в бронзе композиция по произведениям Шолом-Алейхема: лошадь, запряженная в повозку с нехитрым скарбом, а в повозке – сгорбленные фигурки уже немолодой, но не потерявшей веру в лучшую жизнь супружеской пары, одним словом, искателей счастья, – символ ушедшей эпохи. Но эта эпоха пришла не сама собой: она вершилась людьми, прибывшими более семидесяти лет назад в глухое таежное место из разных концов света... Их имена не должны быть забыты. Когда-нибудь они будут навечно высечены на гранитных пилонах памятника как напоминание потомкам о наших первопроходцах.

Ничто в нашей жизни не происходит беспричинно. Взяться за работу над книгой меня буквально заставил мой уже бывший товарищ и, как мы иногда шутили, «коллега по идеологической работе» Анатолий Сурнин. Б-г забрал его к себе на небеса. Священники говорят, что там тоже нужны хорошие люди. Но как он нужен был бы ещё здесь, среди живых... Мы чувствуем и после его смерти, что он где-то рядом и как бы подсказывает нам, что делать, как поступить. Его нам всем не хватает.

Мы познакомились в период моей работы лектором обкома партии. Сурнин как внештатный лектор крайкома КПСС регулярно приезжал к нам в город для чтения лекций и проведения занятий в сети партийной учебы. Кто мог тогда предугадать, что пройдет несколько лет, и он будет назначен ректором существовавшего тогда только в проекте педагогического института?

Так сложилось, что Анатолий вернулся в Биробиджан, где провел свои школьные годы. Буквально на пустом месте при самом активном его участии был открыт институт, пер-

вое высшее учебное заведение в Биробиджане. Можно было только позавидовать его энергии и умению достичь главной цели – создать храм образования и науки.

Пушкин когда-то написал: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», и это в полной мере относится к творению Анатолия Сурнина и его коллег. Недавно институт был преобразован в Дальневосточную государственную социально-гуманитарную академию (ДВГСГА). Анатолий умел убеждать, и люди верили ему. Он был открыт для общения, это чувствовалось в его отношении к людям, к работе, в которую он вкладывал всего себя без остатка, порой забывая о здоровье, личных проблемах. Он был готов помогать любому, кто в нем нуждался, не считаясь со временем. Ничто ему не было чуждо. С ним всегда было интересно – и работать, и отдыхать. Сам того не замечая, он был центром любой компании. Этот магнетизм и есть настоящий талант человеческого общения. Острый ум и умение быстро определить главное в возникшей проблеме, найти пути для её решения сделали его без всяких скидок одной из знаковых фигур научного сообщества Дальнего Востока.

Прочитав газетные публикации моих воспоминаний, Анатолий предложил дополнить этот материал и издать книгу об истории Биробиджана, показав её через призму людских судеб. Я не был готов к такому разговору. «Так не шутят, – ответил я ему, – написать книгу – очень серьезное дело». Но он продолжал настаивать. «Вчера вечером, – сказал он, – я прочитал вслух в семейном кругу твои очерки в “Биробиджанер Штерн”. Во время чтения в комнате стояла полная тишина, никто не отвлекался. Картины прошедшей жизни настолько завладели нами, что, когда я окончил чтение, никто не проронил ни слова. Понадобилось какое-то усилие, чтобы мы освободились от нахлынувших воспоминаний. У тебя есть свой стиль и, как мне представляется, дар рассказчика. А Б-жий дар дается для того, чтобы его отдать людям».

Дело в том, что часть своего детства Анатолий провел в Биробиджане, куда его отец был направлен на работу в начале 50-х годов. Мать с большим трудом перенесла переезд из Хабаровска в маленький Биробиджан, где нужно было привыкать жить в двухэтажном бараке с удобствами во дворе. Она настороженно отнеслась к новому для неё городку, значительная часть населения которого говорила на непонятном ей языке. Но уже через месяц она подружилась с соседями, с энтузиазмом перенимала у них секреты еврейской кухни и даже начала немного понимать идиш.

В том деревянном доме жили люди разных национальностей – русские, евреи, украинцы, белорусы, делясь радостями и бедами, занимая друг у друга деньги от аванса до получки, а по вечерам собираясь во дворе для игры в лото или домино. В дневное время двери дома практически не запирались. «Через несколько лет, когда семья уезжала в Хабаровск на новое место службы отца, – вспоминал Анатолий, – мама не могла сдержать слез, прощаясь с соседями, многие из которых стали её близкими друзьями».

Убеждая меня в необходимости издать воспоминания, он говорил: «Эта книга, как память, нужна не столько нам, сколько новым поколениям молодежи, которая мало что знает об истории области и города».

Слушая доводы Анатолия, я вдруг почувствовал, что мы думали, по сути, об одном и том же. Свои физические признаки, цвет волос и глаз, темперамент, способности мы перенимаем и передаем по наследству в соответствии с законами генетики. Но разве не должны мы передать нашим детям и внукам свои переживания, понимание смысла жизни и цели человека в ней? Человек – не только генетическое производное своих предков, но и их нравственное продолжение, развитие духовных начал и принципов, которые заложены его родителями, родственниками, ближайшим окружением.

Представленная на суд читателя книга – не только и не столько мои личные воспоминания, хотя именно они слу-

жат сюжетной канвой повествования. Это рассказы людей, проживших в Биробиджане долгие годы, для которых он был и навсегда остался близким и родным. Они делились со мной воспоминаниями, старыми фотографиями из семейных архивов.

Это книга о проблемах прошлой и нынешней жизни, где каждый находит своё место под солнцем. Не нам судить, почему человек сегодня живет там, а не в другом месте; главное, чтобы он оставался всегда человеком. Эта книга о биробиджанцах – тех, кто живет на Дальнем Востоке и кто волею судеб оказался на Ближнем Востоке, обретя новых друзей и любимых, новую жизнь.

И там, и здесь для нас «земля обетованная» – нашими родителями и волею судеб. Но всех нас объединяет память о нашей общей родине, где мы родились, которую мы будем всегда трепетно хранить в своем сердце, – о Биробиджане.

Я искренне и глубоко благодарен и признателен всем, кто оказал мне содействие и духовную поддержку в подготовке материалов, поиске старых фотографий и работе над книгой. В их числе **Анатолий Сурнин, Виктор Лифшиц**, Лидия Капуцына, раввин Мордехай и раббанит Эстер Шайнеры, Виктория Романова, Марк Кауфман, Ирина Манойленко, **Марк Миллер** и его сын Александр, Иосиф Гольдберг, Иосиф Нехин, Иосиф и Бетя Шварцманы, Эдуард Букринский, Марат Лисовский, Ефим Фрисман, Клавдия Светницкая, Борис Бичудский, Фаина Аблова, Владимир Сторожев, Александр Вялков, Инна Дмитриенко, Виктор Соломатов, Елена Беляева, Наум и Елена Сарашевские, Виктория Демихова, Дмитрий Беккерман, Нина Ботвинник, Нина Герцвольд, Елена Генина, Яков Кофман, Михаил Заридер, Анатолий Рабинович, Вольф Кац, сотрудники областного государственного архива и областной библиотеки имени Шолом-Алейхема и многие другие знакомые. И, конечно, я благодарен маме, сестре Риве, брату Ефиму, своей жене Анюте, принявшим активное участие в этой нелегкой и кропотливой работе.

ЛЭХАИМ, БИРОБИДЖАН!

«И В КНИГЕ ЖИЗНИ, БЛАГОСЛОВЕНИЯ, И МИРА, И ПРОЦВЕТАНИЯ, СПАСЕНИЯ, И УТЕШЕНИЯ, И ДОБРЫХ ПРЕДНАЧЕРТАНИЙ – ДА БУДЕМ УПОМЯНУТЫ И ЗАПИСАНЫ ПРЕД ТОБОЮ МЫ И ВЕСЬ НАРОД ТВОЙ, ДОМ ИЗРАИЛЯ, НА ДОБРУЮ ЖИЗНЬ И НА МИР.»

Из молитвы в Рош га-Шана

ПУТЬ НА ВОСТОК

Воспоминания у человека нельзя отнять. Они приходят, когда на душе спокойно и безмятежно, когда мы хотим просто оглянуться назад, в прошлое, и вспомнить что-то прекрасное и далекое.

Иногда, правда, возникают и другие образы, и мы говорим: лучше, чтобы этого никогда не было. Все это – и хорошее, и плохое – хранит наша память, и никто, кроме нас, не знает и не почувствует пережитое, никто туда не заглянет.

Без этого прошлого у человека нет будущего. Мы всегда должны помнить, откуда мы пришли, чтобы знать, куда идти дальше. Каждый из нас – песчинка в мироздании, но именно из них складываются вселенная, галактики, солнечная система, планеты, одна из которых, наша Земля, под воздействием пока еще не известных науке сил природы стала нашим общим домом.

Кто мы на этой планете, что помним о нашем прошлом, которое, по сути, миг, искра – даже в нашей короткой истории человечества? Моя память, воспоминания моих родных и близких, архивные документы возвращают меня в начало прошлого столетия.

Не раз я задавал себе вопрос о том, почему евреи приехали более чем из десятка стран мира не на обетованную землю, в Палестину, а на Дальний Восток, и как создали

здесь первое государственное образование евреев в новейшее время?

Несмотря на своё название «Биро-Биджан», больше подходящее для Закавказья, этот район был расположен за тысячи километров от уже обжитых евреями мест. И всё же именно он впервые стал еврейской автономией – через две тысячи лет после разрушения римлянами Второго Храма в Иерусалиме и рассеяния евреев по всему миру.

Солнце начинает свой путь с Дальнего Востока, согревая вначале биробиджанскую землю, и только через восемь часовых поясов восходит над Ближним Востоком. Кто дал такое название разным частям земли, назвав их Востоком, как сложилось, что в первой половине двадцатого столетия было создано по сути два еврейских государственных образования?

Идея образования еврейского государства на разных континентах упорно витала в головах евреев последние два столетия. Предложения были разные. Так, некий Мордехай Ноа намеревался обустроить еврейский район недалеко от Ниагарского водопада, затем рассматривалась для этой цели Аргентина. В начале XX века Лондон пропагандировал «Угандийский проект», от которого евреи также отказались.

Сионисты, единственной целью которых было возвращение евреев на историческую родину, в Палестину, не хотели даже рассматривать подобные проекты, в том числе и те, которые появились в России после Октябрьской революции 1917 года.

Пришедшие к власти большевики провозгласили одной из целей своей политики интернационализм, и это стало основой для появления шести еврейских национальных районов – трёх на Украине, двух в Крыму и одного на Дальнем Востоке. Сторонники территориального решения еврейской проблемы взяли верх, и вопрос состоял уже не в том, быть или не быть еврейской автономии, а в том, где именно ей быть.

Крым – при всех его благоприятных климатических условиях – не подходил из-за уже существовавшей на полуострове Татарской республики в составе РСФСР, и учреждение по соседству с ней еще и еврейской автономии казалось маловероятным. На Украине же еврейские районы перемешались с немецкими и другими национальными образованиями, и создание здесь еврейской области выглядело не менее проблематичным.

Что же касается Дальнего Востока, то претендентов на заболоченные земли по берегам Амура практически не было. Гражданская война в этих краях закончилась в 1922 году, и советская власть нуждалась в укреплении своих позиций в регионе. Заселение и освоение территорий вдоль советско-китайской границы было стратегической задачей государства на тот период. Это определило и дальнейшую историю развития дальневосточного региона, небольшую часть которого государство закрепило за евреями своим постановлением вместо Завета.

Встреча переселенцев на ст. Тихонькая

Массовое переселение шло под лозунгом «В еврейскую страну!». Именно этим движением были завоеваны понимание и поддержка еврейских зарубежных организаций, особенно американских, в лице «ИКОРа», «Амбиджана» и ряда других, специально созданных для помощи евреям, переселяющимся в Биробиджан.

В адрес Биро-Биджана из-за рубежа шли машины, сельскохозяйственная техника и оборудование, инструменты и много других необходимых для переселенцев вещей. В архивных документах – приходных описях, товарных фактурах и накладных – я нашел сотни наименований вещей, каких-то странных деталей, запасных частей, названия которых были мне не знакомы. Из США прислали даже четыре браунинга и автомобили «Шевролет». Американские еврейские художники отправили в 1936 году большую выставку картин, которая называлась «Подарок Биробиджану» (по каталогу, составленному американцами, недавно выяснилось, что некоторые картины с этой выставки хранятся в Эрмитаже).

Советское руководство прекрасно понимало, что переселение, особенно на Дальний Восток, должно отвечать не только экономическим, но и политическим интересам еврейского населения страны. А.Н. Мережин, председатель еврейской коммунистической секции (Центральное бюро Евсекций в ВКПб было образовано в 1918 г.), после смерти П.Г. Смидовича ставший председателем КОМЗЕТа, писал по этому поводу в 1929 году:

«Я очень сильно сомневаюсь, пошел ли бы в Биробиджан целый ряд чрезвычайно необходимых работников без лозунга “В еврейскую страну!”. И если мы видим на опыте, что этот лозунг помогает освоению всей этой большой и трудной территории, помогает строительству нашего социалистического отечества, то не должны ли мы с поддержкой относиться к этому лозунгу, оживляющему и революционизирующему, апеллирующему к молодому и смелому, а не к отсталому и консервативному, апеллирующему не к национальным предрассудкам, не к древним предкам и гробницам, а прочь от них – к новому социалистическому будущему?».

Ставка на биробиджанский проект как альтернативу сионистской идее возвращения евреев на землю обетованную, в Палестину, была продуманным партийным ходом.

Информация о том времени, пропущенная через пропагандистскую машину, скрывала от нас историю настоящей борьбы, развернувшейся в двадцатые годы в партии, среди различных чиновников, общественных организаций и групп вокруг еврейского вопроса – одной из самых больных проблем, доставшихся в наследство России советской от России царской.

Евсекции, членами которых стали старые большевики-евреи, были специально образованы для работы с евреями и охватывали почти все стороны общественной жизни местечек. Велась активная коммунистическая пропаганда, осуществлялся контроль над еврейской прессой, что привело к закрытию почти всех еврейских журналов и газет, не находящихся под контролем партии. Иудаизм и сионизм были объявлены буржуазной идеологией, и под флагом борьбы с ними были закрыты национальные школы, иешивы и хедеры, ивритские театры, запрещено преподавание иврита, изъяты из библиотек книги. Особо рьяно преследовали религиозных деятелей и верующих.

Историческая хроника тех лет отдаёт откровенным антисемитизмом. А ведь ещё не были забыты кошмары погромов в Молдавии и Украине. В те времена были иные взгляды на происходящие в стране события и национальные отношения. Скорее из-за опасения антисемитских проявлений тот же Троцкий отказывается от постов председателя Совнаркома, а затем и Наркома внутренних дел, сославшись на то, что такое назначение позволит врагам революции «утверждать, что страной правит еврей». А.Н. Мережин высказывался по этим вопросам не менее откровенно: «С XII съезда мы проводим усиленно снятие евреев с ответственных постов. Это проводилось по всему СССР, начиная сверху и кончая окружками». Всё это не могло не привести к ухудшению отношения к Евсекциям еврейских масс,

особенно в вопросах НЭПа, так как большинство людей (почти 70 процентов) было на стороне проводимой экономической реформы.

На фоне этих событий всё же был сделан важный шаг по привлечению еврейского населения к земледельческому труду. 29 августа 1924 г. ЦБ Евсекций был создан «Комитет по земельному устройству трудящихся евреев при президиуме Совета национальностей ЦИК СССР» – КОМЗЕТ (просуществовал до 1938 года), который возглавил П.Г. Смидович. Эта инициатива была поддержана на партийном и государственном уровнях. КОМЗЕТ активно занялся организацией еврейских поселений и районов, вербовкой евреев-поселенцев, перевозкой и закреплением их на новых местах.

Почти сразу стало понятно, что без больших финансовых средств невозможно решить ни одной задачи. Нужен был источник финансирования этой программы. В казне на неё денег не было. Требовались неординарные подходы и решения. Ставка была сделана на добровольные пожертвования со стороны как советских, так и иностранных граждан и организаций. Проблема была в том, что большая часть потенциальных зарубежных спонсоров не хотела иметь дело с компартией и советским государством. Необходимо была также и моральная поддержка проводимой переселенческой программы как внутри страны, так и за рубежом, что сделать было крайне сложно в связи с участвовавшими погромами на Украине.

Для решения проблем переселения евреев в 1925 году было создано Всесоюзное общество по земельному устройству трудящихся евреев в СССР – ОЗЕТ. Возглавил организацию старый большевик Ю. Ларин (Михаил Залманович Лурье, видный советский экономист, литератор, политик, предлагал переселить в Крым 400 000 евреев и создать там еврейскую республику), а затем – С.М. Диманштейн.

ОЗЕТ сразу же в своей деятельности отмежевался от ориентации на партию, что было рассчитано в основном на Запад. Была принята резолюция, в которой декларировался

нейтралитет по отношению к сионизму. Престиж ОЗЕТа поддерживало то, что членами его правления стали С. Михоэлс и В. Маяковский.

Отделения ОЗЕТа открылись не только в республиках Советского Союза, но и в ряде городов Германии, Великобритании, Южной Африки, США, Нидерландов, а также в Аргентине, Латвии, Палестине, Китае. Отделения вели активную работу по привлечению новых членов и сбору пожертвований. Были установлены отношения с крупнейшими еврейскими финансовыми фондами и организациями, такими как Американский еврейский объединенный распределительный комитет «Джойнт», Общество ремесленного труда (ОРТ), Еврейское колонизационное общество (ЕКО) и другими, которые собирали деньги для ОЗЕТа на переселенческую деятельность в СССР.

Но наиболее значимый и весомый вклад в развитие «биробиджанского проекта» был сделан при активном содействии американской организации «Икор», о чем подробно рассказал Д. Вайсерман в книге «Как это было?». Плодотворное сотрудничество этой организации с ОЗЕТом на протяжении нескольких десятилетий, начиная с 1928 года, печально закончилось для коммуны с одноименным названием «Икор» – самой известной из созданных в нашей области с участием иностранцев.

За КОМЗЕТом остались стратегия и идеологическое влияние на еврейскую поселенческую деятельность, а ОЗЕТ сосредоточился на практической работе. Главными задачами ОЗЕТа стали перевозка людей на новые места жительства, проведение профессионального инструктажа, строительство домов, осуществление землеустройства, обеспечение поселенцев скотом и различным инвентарем.

ОЗЕТ впервые применил такую форму сбора денежных средств, как всесоюзные лотереи, принесшие в фонд переселенческого движения миллионы рублей. На билете первого выпуска (всего состоялось пять розыгрышей – в 1928, 1929, 1931, 1932 и 1933 годах) в центре был портрет еврейского

Афиша Озет-лотереи

центров; в Западную Европу по любому маршруту на один месяц; в Биробиджан на 1,5 месяца (подчеркнуто мной. – И.Б.); по Волге, в Крым и на Кавказ с отдыхом в санаториях; в еврейские земледельческие поселения и в Одессу. Разыгрывались: трехкомнатный дом-квартира в любом пункте СССР; переселенческое хозяйство с земельным наделом, включая дом, скот, сельскохозяйственные машины; полное заграничное техническое оборудование кустарной мастерской (слесарной или столярной); автомобиль «Форд», трак-

крестьянина в ко-
соворотке и с крас-
ным снопом в ру-
ках. Надписи были
сделаны на идиш,
русском, украин-
ском, белорусском,
грузинском, армян-
ском и арабском
языках.

Первый розыг-
рыш ОЗЕТ-лотереи
состоялся 13 мая
1926 года в Москов-
ском государствен-
ном еврейском те-
атре. Список выиг-
рышей произведет
впечатление на лю-
бого человека даже
в наши годы. Пред-
лагались поездки:
вокруг света на
4 месяца; в США на
1,5 месяца с посе-
щением крупней-
ших еврейских

тор «Интернациональ», мотоциклы, парусные лодки, вело-
сипеды, швейные машинки, фотоаппараты, американские
вечные перья марки «Паркер», самобрейки фирмы «Жи-
летт». Для идейного образования предлагались: собрания
сочинений В.И. Ленина, М. Горького, Л. Толстого, Большая
Советская Энциклопедия, альбом художника И.Б. Рыбака о
жизни еврейских земледельческих колоний, ОЗЕТ-библи-
отечка. К сожалению, мне не удалось найти имена счас-
тливчиков, выигравших супер-приз – поездку в Биробид-
жан, – и обладателей других главных призов.

Билет Озет-лотереи

Специально для пропагандистских целей и, конечно, для
привлечения финансовых средств были выпущены в обра-
щение медные и серебряные жетоны ОЗЕТа по цене 20 ко-
пеек и один рубль. Сбор денежных средств и пожертвован-
ний был, конечно, не самоцелью, а средством, которое поз-
волило бы выполнить грандиозную задачу – за десять лет
переселить «на землю» полмиллиона евреев. Если государ-
ство выделяло вновь создаваемым еврейским хозяйствам
землю, то средства на ее освоение шли в основном из-за ру-
бежа. Только «Агро-Джойнтом» в течение 1920-х годов было
выделено свыше 25 млн. долларов в помощь крымским ко-
лониям. Всего еврейским колонистам было предоставлено

около 500 тыс. гектаров пахотной земли (без учета Биро-Биджана).

Десятки авторов расписывали в различных статьях и брошюрах, изданных в те годы, как хорошо и основательно (но иногда и не очень) шло переселение и обустройство евреев в Украине, Белоруссии и Крыму, предлагали новые компромиссные решения этой задачи. Председатель ОЗЕТа Ю. Ларин был активным сторонником расселения евреев в Крыму.

Борьба интересов и мнений вышла за пределы простого обсуждения на заседаниях КОМЗЕТа и ОЗЕТа, особенно когда на свет появился новый дальневосточный проект. Биро-Биджан стал разменной монетой для некоторых деятелей в целях получения контроля за распределением поступающих из-за рубежа финансов. В ход пускались самые различные аргументы, факты и материалы исследований, проведенных изыскательскими экспедициями в разное время. Они зачастую не отражали действительности ввиду различных научных под-

НА СКЛАДЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ „ОЗЕТа“ — Москва
имеются для продажи следующие издания:

1. Проф. Б. Брук.—Биробиджанский район ДВК. Цена 1 р.
2. М. Каменштейн.—Советская власть, евр. землеустройство и «ОЗЕТ». (На евр. и русск. яз.). Цена 35 коп.
3. «Еврейский крестьянин».—Сборник № 2. Цена 2 р.
4. Ю. В. Гольде.—Земельное устройство трудящихся евреев в Сов. Союзе. Цена 40 коп.
5. Х. А. Финкель.—Еврейское землеустройство в Сов. Союзе. Цена 20 коп.
6. М. И. Калинин.—Еврей-земледельцы в СССР. (На русском и еврейском яз.). Цена 15 коп.
7. М. И. Калинин. и П. Г. Сидович.—О земельном устройстве труд. евреев в СССР. Цена 15 коп.
8. А. Н. Мережин.—Вопросы земельного устройства трудящихся евреев. Цена 20 коп.
9. А. Н. Мережин.—Три года землеустройства еврейских трудящихся масс. На русском яз. 20 к., на еврейск. яз. 25 к.
10. А. Н. Мережин.—Биробиджан. (На русск. яз.). Цена 30 к.
11. Я. Кантор.—В помощь переселенцу. (На евр. яз.). Цена 20 к.
12. «Что такое ОЗЕТ?» Четвертое переработанное и дополненное издание. Цена 2 коп.
13. То же на еврейском языке. Третье переработанное и дополненное издание. Цена 2 коп.
14. Стенографический отчет Первого Всесоюзного съезда «ОЗЕТ» в Москве с прилож. резолюций съезда, на евр. яз. Цена 75 к.
15. То же на русском языке (более полный). Цена 1 руб.
16. Тезисы и резолюции 1-го Всесоюзного съезда «ОЗЕТ». (На еврейском языке). Цена 10 коп.
17. Итоги землеустройства евр. в Бел. ССР. Цена 20 коп.
18. Устав Всесоюзного «ОЗЕТа» (на русск. и на евр. яз.). Цена по 7 коп.
19. Новая диаграмма: Рост евр. землед. населения и площади евр. земледелия в СССР. Цена 5 к., с русским и еврейск. текстами. (Второе дополненное и переработанное издание).
- 20—23. 4 открытки с песнями (текст и ноты) Добрушина, Менахеме, Фейфера и Элькеа из жизни евр. земледельцев. Цена по 4 коп. каждая.
- 24—33. 10 лозунгов. Отдельно по-русски и по-еврейски. Цена по 2 коп. каждый.
- 34—35. Художественный агитплакат в 7 красках, со стихами, отдельно на евр. и русск. яз. Цена 45 коп.

На складе имеются также медные и серебряные жетоны ОЗЕТа (по 20 коп. и 1 руб.).

Книжным складам и организац. СКИДКА.—Высылка только налож. плат.

Адрес: Москва, Никольская, 10/2, ц. п. ОЗЕТ.

Что было правдой, а что вымыслом в этих книгах и брошюрах, можно было оценить только после переселения «на землю»

ходов к решению проблемы даже в таких вопросах, как определение климата региона.

Одна из наиболее правдоподобных и объективных, на мой взгляд, точек зрения в этом вопросе принадлежит А.Н. Мережину. (Абрам Наумович Мережин, как и все другие руководители еврейских организаций, был репрессирован и расстрелян по сталинским спискам 27.02.1937г. Его книги, выступления, в том числе и доклад, о котором будет сказано ниже, стали запрещенными для цитирования и ссылок. Во время проведения 50-летнего юбилея Еврейской автономной области мне было поручено подготовить материал к единому политдню. Я взял несколько цитат из его выступлений, которые при редактировании были вычеркнуты, и мне мягко было указано, что на этого автора, как дискредитировавшего себя в партии, нельзя делать ссылки и приводить его высказывания, какими бы правильными они ни были.)

В докладе, сделанном на совместном заседании правления и актива московского ОЗЕТа 26 июня 1929 года, А. Мережин дает представление о проходящих в стране дебатах по этим вопросам. Он говорит о практически открытом противодействии Ю. Ларина переселению евреев в Биро-Биджан. Для этого использовались уже «избитые» аргументы (например, «евреи и земледелие – несовместимые понятия») и, конечно, описание трудностей первого года переселения в Биро-Биджан. Ларин дает общую характеристику Биро-Биджана как заболоченной местности и потому делает вывод, что эти земли не могут привлекать еврейских переселенцев. Он говорит об удаленности района более чем за тысячу километров от моря, что также снижает его привлекательность, но при этом замалчивает тот факт, что Биро-Биджан имеет выход к морю по Амуру.

В докторской диссертации В.В. Романовой, посвященной истории евреев Дальнего Востока, отражены основные проблемы внутрифракционной борьбы. Ю. Ларин, отмечает В. Романова, считал «биробиджанский» вариант неудачным. В вышедшей в 1929 г. работе «Евреи и антисемитизм в СССР» он писал: «...Биробиджан с его вечно мерзлой подпочвой, заболоченностью,

гнусом, наводнениями, длительными сорокоградусными морозами, культурной оторванностью, расстоянием более тысячи верст от моря, неизбежной экстенсивностью хозяйства, коротким растительным периодом при неблагоприятном распределении осадков и т. д. – вряд ли может оказаться вполне подходящим местом для такого людского материала, как впервые вообще переходящие к земледелию горожане. Обратный отход сельскохозяйственных переселенцев, и без того довольно заметный при поселении евреев на землю, в условиях Биробиджана неминуемо должен оказаться еще более значительным, обрекая тем самым на пропажу немалую часть затрачиваемых средств». К минусам этого проекта он относил также не только его высокую стоимость, но и невозможность использования средств зарубежных благотворительных организаций, считавших вложение в него денег делом «слишком дорогим и рискованным». Вместе с тем Ларин отмечал, что не следовало отвергать полностью «Биробиджанский проект», а использовать его как дополнительный. Для него была очевидной необходимость колонизации данного района, потому что иначе останутся незанятыми могущие быть действительно использованными там участки – и это обстоятельство «будет лишним моментом, который будет манить японский милитаризм к советскому Дальнему Востоку».

В этой работе, отмечает В. Романова, впервые встречается тезис о необходимости привлечения в качестве переселенцев евреев из-за рубежа как одного из условий успеха проекта. «Широкий размах такое предприятие, – писал Ю. Ларин, – могло бы получить лишь в том случае, если бы предположить – не особенно пока вероятное – широкое переселение на Амур евреев из-за границы – из Польши, Литвы и Румынии».

Анализ освоения Биро-Биджанского района, в котором были отмечены десятки просчетов, допущенных как центральным ОЗЕТОМ, так и местными пунктами, занимавшимися агитацией и отправкой евреев, представлен также подробным описанием суровой природы, встретившей первых переселенцев нескончаемыми дождями, наводнением, лютой зимой.

Но А. Мережин отмечает и серьезные преимущества этого района перед другими территориями, в течение нескольких лет уже принимавшими переселенцев. И прежде всего то, что здесь не было явных претендентов на земли, никого не надо было сгонять или переселять для обустройства новых переселенцев. На чашу весов были положены и несметные богатства дальневосточной земли. Все это в конечном счете должно было привлечь людей в эти края.

В качестве серьезных аргументов приводится информация исследователей территории, в разное время проводивших научные и изыскательские экспедиции. В вопросах климата и сельскохозяйственного производства делаются ссылки на профессора Б.Л. Брука. Приводятся данные горного инженера С.В. Константинова, полагавшего, что к поискам угля на правом берегу р. Большой Биры и на левом близ устья р. Каменушки имеются все основания. При исследовании грунтов, проведенном в 1913 году при бурении скважин для изучения возможности строительства моста в том районе, было обнаружено два слоя угля мощностью около двух метров, по всей вероятности, являвшихся продолжением Туркских пластов, лежащих ниже его главного рабочего слоя. Он предсказывает промышленную будущность красного железняка в северной части Малого Хингана, известняков, находящихся в том же районе вблизи железной дороги.

Ссылаясь на Э.Э. Аннерта, Мережин делает заключение, что в отношении обеспечения будущих южных Мало-Хинганских металлургических предприятий топливом можно держать курс на маньчжурский коксовый уголь, буреинские и тырминские угли и даже на сахалинские.

(Эдуард Эдуардович Аннерт (1865–1946), видный ученый-геолог, горный инженер, один из первых исследователей геологии и месторождений полезных ископаемых Северной Маньчжурии и некоторых частей русского Дальнего Востока, по политическим причинам жил и работал долгое время в эмиграции. Бывший руководитель Дальгеолкома, он в 1924 г. выехал в Харбин. Его глав-

ный труд – книга «Богатства недр Дальнего Востока», вышедшая в 1928 году, – итог 30-летнего изучения сокровищ нашего края, результат научных исследований. Она стала определённой ступенью в становлении геологической службы и исследований в ДВК, когда были получены и обобщены сведения о его геологическом строении, определены дальнейшие направления поисков полезных ископаемых, положено начало планомерной и детальной разведке известных месторождений угля, золота, цветных и чёрных металлов и других полезных ископаемых. П.В. Виттенбург назвал в 1912 году в честь ученого северо-западный мыс в бухте Горностай во Владивостоке.)

Подробно Аннерт останавливается на добыче золота, понимая, что этот вопрос вызывает не только познавательный интерес. По данным Геологического комитета, в Хингане на то время имелось до 144 приисков и рудников, которые либо уже были выработаны, либо разрабатывались, либо на них должны были начать разработку. В Биро-Биджане на приисках работало около 230 старателей, и в течение пятилетки предполагалось довести численность поисковых рабочих и служащих до 1000 человек.

Он проанализировал деятельность т. Фрухта, работника Далькомзета, который, обследовав зимой часть приисков в долине реки Сутары, пишет в отчете: «Для дражных работ имеются запасы золота, по словам бурового мастера, на десятки лет. Пока разведано около 80 километров долины и притоков реки Сутары, и везде обнаружено присутствие золота. Содержание – 10–12 долей на кубометр. Есть основания полагать, что такие же золотоносные пески имеются на остальной части Сутарской долины, примерно еще на 150 километров. (Дражные работы являются выгодными при содержании золота 6 долей на кубометр.)».

Геолком (Геологический комитет) давал также заключение по графиту, количество которого, по его оценке, равняется примерно 6 миллионам 600 тысячам тонн. Ещё до войны вокруг этого месторождения в южной части Хингана суетились германцы. Там же почти на поверхности лежит ох-

ра, которая никем не разрабатывается и может пойти на изготовление красок. Большие залежи известковых запасов вблизи Биракана, Кимкана разрабатываются и приносят доходы небольшим артелям с начала постройки железной дороги. В 7 километрах от Биракана и 15 километрах от Лондоко имеется гора белого и розового мрамора. По информации инженера Блюма, который обследовал окрестности Кульдура, обнаружены мрамор, золото, уголь, граниты и другие полезные ископаемые.

У станции Биры встречаются цветные глины – чёрная, желтая, красная. В прошлые годы там, у реки, работал кирпичный заводик, обеспечивавший нужды поселка. Кстати, глины, пригодных для производства строительного и огнеупорного кирпича, а также для гончарного промысла, в Биро-Биджанском районе оказалось достаточно. К наиболее значимым месторождениям, имеющим производственную перспективу, были отнесены залежи при ст. Икура, близ сопки Тихонькой (на реке Бира), в верховьях реки Кимкан, на реке Белой (большие запасы огнеупорной глины), в районе Щукинского Хребта (Щуки-Поктой), при станции Ин, где уже было налажено производство красного кирпича. Особое внимание было обращено на сопку Тихонья, сложенную из пластов кварцевого песчаника – высокоценного по твердости материала, который можно было использовать не только в строительстве.

А. Мережин в своем первом докладе по Биро-Биджану отмечал, что в районе нет торфяных болот. Но в этот раз он вспоминает о сказанном как о своей ошибке и приводит мнение П.К. Яворского и Э.Э. Аннерта о том, что проведенные исследования показали наличие огромных залежей торфа в этом районе, и поэтому данный факт надо учитывать как аргумент в пользу переселения в регион.

(Петр Казимирович Яворский (1862–1920) в 1888 году закончил Горный институт в Петербурге. С 1888 по 1891 годы служил в Зейской золотопромышленной компании в Амурской области, где вел разведку россыпных и коренных местонахождений зо-

лота. С 1891 по 1897 годы работал на Урале. В 1898–1902 годах П.К. Яворовский был начальником амуро-приморской геологической партии. Исследовал железорудные месторождения на Малом Хингане и золотоносность долины реки Сутара. П.К. Яворский был многосторонним ученым, интересовавшимся, помимо геологии, этнографией, и оставившим после себя замечательное наследие – свои исследования Сибири и Дальнего Востока.)

Даже сегодня у человека, кое-что знающего о прошлом и настоящем еврейской автономии, эта информация вызовет интерес и уважение как к автору доклада, так и к изложенному в нем материалу. А. Мережин дважды приезжал в пункт Тихоньковский в 1928–1929 годах и довольно продолжительное время жил и вместе с первыми переселенцами принимал участие в обустройстве района, о чем он вспоминает в своем докладе. До настоящего времени, насколько мне известно, в книгах по истории области его имя почти не упоминается в связи с исторической хроникой освоения Биро-Биджана. Надо отдать должное человеку, который самоотверженно отстаивал и защищал будущую еврейскую автономию ещё на заре её создания.

Как же проходило освоение этих земель? К необычайно тяжелым условиям Мережин отнес наводнение 1928 года, сибирскую язву, уничтожившую почти весь скот, позднее прибытие тракторов и т. п. Побывав во многих населенных пунктах, он приходит к выводу, что настроение переселенцев в Екатерино-Никольском, Пузино, Нагибово, приехавших в 1928 году и не успевших построить ни одного дома, не вспахавших ни одного гектара земли (они не знали даже, где дадут им земельные наделы), намного лучше, чем у переселенцев Бирофельда. А лучше потому, что они приехали на освоенную уже землю, где почти семьдесят лет проживали казаки. Местные жители радушно встретили переселенцев, предоставили им жильё за невысокую плату, дав возможность перезимовать первый год. Евреи присматривались к тому, как казаки строят свои большие и светлые дома, как они ведут хозяйство, а те делились с ними и хлебом, и опытом работы, например, тем, как ловить рыбу.

Воспоминания первых переселенцев, записанные Г. Добинным в 1935 году (так и не опубликованные рукописи), более семидесяти лет пролежали на полках в областном государственном архиве и переведены с идиш Еленой Беляевой. Они, как кадры старой кинохроники, впервые рассказали о буднях людей, чем существенно дополнили картину происходившего в пору становления будущей еврейской области.

(Григорий (Гирш) Израильевич Добин (р. 1905, с 1992 в Израиле), прозаик, в 1932 году переехал с семьей в Биробиджан, работал в газете «Биробиджанер Штерн» и в радиокомитете. Главная тема его творчества – жизнь еврейских переселенцев. Этому посвящены произведения, написанные на идиш и опубликованные в сборниках «На Амуре» и «Рассказы»).

Авром Римский – один из первых переселенцев, приехавших на эту землю, – рассказывает о самом начале её освоения. По разнарядке они попали из Тихонькой в Хабаровск и затем паромом добрались до села Нагибово (другого пути летом в эти края не было). Просторы Приамурья и разбросанные за версту друг от друга казачьи дома испугали прибывшую группу переселенцев. Но сопровождавший группу представитель ОЗЕТа Канторович сразу свел их с казаками. После длинной дороги надо было подкрепиться. Канторович привел казака с лошастью и телегой, дал сети, и шесть переселенцев отправились вместе с ним на рыбалку. Проехав несколько верст, они остановились у маленького озера.

«Вот здесь и будем ловить рыбу», – говорит казак.

Мы тихо засмеялись, чтобы он не видел, – вспоминал Авром. – Ему что, не ясно, или он сумасшедший? Разве здесь мы наловим целую повозку рыбы? Озеро – глядеть не на что!

А казак просит раздеться, чтобы зайти в воду, сети заводить. Взяли сеть, как показал казак, и пошли на озеро. Сеть была большая, метров 75 длиной. Около часа прошло, прежде чем натянули над водой. После того как мы её завели, казак стал кричать, чтобы быстрее тянули, соединяя концы сети и подтягивая к берегу. Ну а мы тоже начали на него кричать, что сеть за-

путалась в бурьяне, тяжело тащить. А он своё: тащите быстрее, чтобы рыба не разбежалась.

Вышли на берег. Взглянули, что-то начало шевелиться в сети, журчать, как в котле. Вдруг увидели: большая рыба начала подпрыгивать и тянуть сеть в воду. От радости, что поймали её, все начали кричать, свистеть, хватать рыбу, чтобы она не ушла в воду. А казак опять кричит, чтобы цепляли концы сети к лошади. Запрягли лошадь и сети на берег вытянули. Мы глазам своим не верили, сколько было рыбы. Одна была больше десяти килограммов. Чудище. За всю нашу жизнь мы не видели такой рыбы. Мы даже боялись подойти к ней. Она же может укусить.

Что за земля, человек поехал на три часа и поймал 60–70 пудов рыбы! Еле на двух подводах увезли. Всем разделили поровну. Больше мы не ходили на рыбалку с повозками, нам достаточно было пойти к озерцу с ведром и поймать пару пудов рыбы. Казак научил нас сушить рыбу, солить...».

Еврейские переселенцы заготавливают рыбу

Всего этого не было в Бирофельде, в котором за тот год было построено первых 18 домов и вспахано 100 гектаров земли. Переселенцев там окружала только дикая тайга, зверьё и непредсказуемая, с сюрпризами, погода. Вдобавок к остальным житейским неурядицам особенно давила на психику и угнетала людей изоляция от внешнего мира.

Отношение людей, прибывавших в Тихонькую к новому месту обитания, формировалось с первых минут знакомства с маленьким полустанком, о котором впоследствии вспоминали, как о паре домиков налево в сторону Валдейма, паре – в сторону Раздольного, паре – напротив вокзала. Рядом с переселенческим пунктом – барак и коричневое здание, дальше – избушка, где потом располагалась контора заготзерна, направо, через улицу – пекарня (на том месте позже располагался двухэтажный дом облисполкома), почта стояла напротив. Было еще несколько домов, где жили и работали Финкельштейн и Бейнфест (руководители местного ОЗЕТа). А ещё стояли маленький китайский магазин да пара сараюшек. Чуть поодаль были установлены в два ряда несколько палаток, за которыми уже начинался небольшой лесок и череда ложбин, падей, затонов и болот вперемежку с небольшими бугорками, уходящими к реке.

Наверняка у многих переселенцев все это вызывало озабоченность и сомнения в правильности принятого решения о переезде в Биро-Биджан, а у части людей – страх и желание немедленно вернуться обратно. Кто-то мог себе это позволить и вернулся, но большинство приехавших не имело средств и целиком отдавало себя в руки судьбы. Они должны были работать, чтобы выжить, надеясь на лучшую жизнь, многие из них рассчитывали заработать и вернуться или же найти более обжитые места в других городах Дальневосточного края.

Давая оценку первого года работы в Биро-Биджане, А. Мережин отмечает, что основным её итогом стало создание современной технической базы при материальной помощи ИКОРа и валютной АГРО-ДЖОИНТа и ОРТа.

За год прибыло «13 больших клейтраков, 5 малых, 13 Интернационалов, 3 Коммунара, 6 грузовиков, 2 легковые машины и 10 дорожных машин. ...Кроме того, Конторой ОЗЕТ оборудована механическая мастерская, маленькая электрическая станция в Бирефельде, дом для гаража: один в Бирефельде, другой в Екатерино-Никольском, проведены тракторные курсы и пропущено через них 75 человек переселенцев. В общем, технический отдел работает хорошо. Он возглавляется американским специалистом, коммунистом т. Равским. ...Символично и следующее обстоятельство: член Исполкома Коминтерна от английской компартии т. Томм Белл, желая дать своему сыну Оливеру (комсомольцу) трудовое воспитание, послал его в Биро-Биджан, где он работает трактористом – так что можем сказать, что международный пролетариат оказывает непосредственную помощь Биро-Биджану».

Хорошие отношения сложились у переселенцев со старожилами-казаками, которые видели, что вслед за ними приходит цивилизация. Зимой 1929 года впервые было установлено регулярное, трижды в неделю, автомобильное сообщение между Тихонькой и Михайло-Семеновской (ныне с. Ленинское). Цена билета составляла 7 рублей 50 копеек. Беднякам, красноармейцам, переселенцам давалась скидка в 50 процентов по удостоверениям сельсоветов. Один раз в неделю автобус доходил даже до Екатерино-Никольского. Понятно, почему на Михайло-Семеновском районном съезде отдельные казаки вносили предложения селить евреев рядом с ними – в надежде на техническую помощь со стороны переселенцев, для которых отправлялась техника, создавалась социальная инфраструктура. Казаки Екатерино-Никольской и Пузиновской станиц единогласно на сходах приняли решение передать часть своих земель для обустройства первого еврейского поселка в Приамурье, названного Амурзет (Амурское земельное еврейское товарищество), и нисколько не пожалели об этом.

Мережин как непосредственный участник создания Биро-Биджана знал не понаслышке о проблемах первых пере-

селенцев. Рабочих, служащих, кустарей, ничего не понимавших в сельском хозяйстве, распределяли по обозначенным ещё только на картах будущим селам, что не могло не вызвать с первых дней трудностей организационного характера. Когда через полгода после прибытия первых переселенцев проанализировали состав Бирофельдского сектора, стало ясно, что из 472 человек всего 7 процентов были крестьянами. Работники пунктов по отправке на местах отъезда и аппаратов по приёму в Биро-Биджане не были готовы в том году толково и грамотно разъяснить, что ждет переселенцев, на что они должны рассчитывать и как будут обустроены.

Уже в первые месяцы работы выяснилось, что переселенческие коллективы не могли выполнить задания ни по подъёму целины, ни по заготовке леса, так как привезенные издалека лошади были не в состоянии справиться с нагрузкой, да и кормить их было нечем. Лошадям, увы, не хватало сил тянуть за собой телеги. На одних траве и сене, без овса, животное долго не протянет. А своего овса ещё не вырастили, и его надо было завозить из других районов Дальневосточного края, платя за это большие деньги. Пара лошадей могла перевезти по бездорожью только 250 килограммов поклажи. Техника из Америки запаздывала. Когда же пошли сильные проливные дожди, начался гнус, а люди жили в землянках или в палатках, стало ясно, что нужны героические усилия, чтобы удержать их на месте.

Ко всему прочему не была учтена, казалось бы, простая, но немаловажная проблема – разлука с семьёй. В Биро-Биджан в качестве ходяков поехали, как в разведку, мужчины. Им предстояло обустроиться и вызвать семьи или вернуться обратно домой. ОЗЕТы на местах не проявили необходимой чуткости к людям, идущим на такой экстремальный шаг, как долгая разлука с близкими и родными людьми. Тем же, кто принял решение оставаться жить и работать на этой земле, требовалось немало средств, чтобы привезти семью, так как проезд из Украины и Белоруссии стоил 60–70 руб-

лей. Мережин упоминает об этом в докладе, обращая внимание на то, что «биробиджанские переселенцы прошлого года (1928-го. – И.Б.) пострадали от нашей неопытности и неподготовленности, от неизбежных в начале работ ошибок и неналаженности не меньше, чем другие от наводнения. Но дело ещё и в том, что даже обещанных (Центральным Правлением ОЗЕ-Та. – И.Б.) и опубликованных 60 руб. не выдано до сих пор, а многие переселенцы рассчитывали как раз на эти деньги для перевода семьи. Это должно быть исправлено. Из первых же доходов лотереи ОЗЕТА должна быть выделена сумма на покрытие расходов по переезду семей, сумма, достаточная также для переселенцев 1930 года. Без этого, без обеспечения переезда членов семей беднейших переселенцев все переселение в Биро-Биджан построено на песке. Это надо твердо зарубить себе на носу!». Он предлагает выделить для этих целей по 200 рублей на человека.

Мережин отбивается от критики из Хабаровска, охарактеризовавшей провал и невыполнение плана по переселению как правый уклон, от нападок Ларина, пытавшегося голыми цифрами уличить Биро-Биджанский проект в бесперспективности. Он жестко парирует эти доводы аргументами, сравнительным анализом заселения районов в Крыму и на дальневосточной земле. И это сравнение, по мнению Мережина, было не в пользу его критиков. Если что и нужно было разъяснить, считал он, то почему после весны 1928 года 40 процентов переселенцев, несмотря на невыносимые трудности, осталось в Биро-Биджане. Неправильно было бы рассматривать как минус и переход части рабочих и кустарей в промышленность ДВК. Это, наоборот, «большой плюс, что люди нашли работу и устроились в других городах Дальнего Востока».

Он был одним из немногих руководителей еврейских организаций, кто взял на себя смелость открыто выступить с критикой центральных органов власти и назвал первой причиной невыполнения плана 1928 года по созданию материальной базы отправку переселенцев без проведения подготовительных работ. Людей завозили практически в

непроходимую тайгу, на необжитую землю, где они были вынуждены самостоятельно обустраивать свой быт, одновременно строя дороги, мосты, поднимая целину, заготавливая строительный лес, попутно преодолевая лишения – отсутствие обустроенного быта, теплого жилья, нормального питания, медицинского обслуживания и вдобавок работы по специальности.

Тем дороже и ценнее был каждый переселенец, закрепившийся на этой земле. Мережин перечисляет в докладе больше десятка фамилий людей, прибывших из разных мест Украины, Белоруссии, Молдавии и уже успевших заработать себе на пропитание и переслать часть денег домой, в помощь своим семьям. Среди них он называет Спектора из Николаева, прибывшего 28 ноября, кузнеца, который переслал домой к марту (1929 года. – И.Б.) 150 рублей.

Эта фамилия мне была знакома. Анатолий Спектор, заслуженный строитель России, которому я позвонил, оказался внуком кузнеца. Эта находка стала откровением как для меня, так и для него. Его дед Арон Спектор вместе с братом Яковом приехали в 1928 году в числе первых переселенцев в Биро-Биджан. Незадолго до этого два брата и сестра Арона уехали искать счастья в Америку. После гражданской войны, когда разруха и голод погнали из городов, местечек и деревень десятки тысяч людей на поиски работы и средств к существованию, Арон решился поехать к братьям. Прибыв в Новый Свет, он покрутился пару недель и понял, что эта жизнь не для него. Денег на обратный билет у него не было, и он нанялся кочегаром на пароход, чтобы вернуться домой. Вскоре на Украине началась кампания по вербовке евреев на Дальний Восток. Арон с Яковом как мастеровые люди записались и поехали в еврейскую страну, за десять тысяч верст от родного дома. История этой мишпохи ничем не отличается от многих других. Судьба разбросала Спекторов по всему свету. Только недавно удалось отыскать в США сестру Арона Бейлу. Ей уже перевалило за сто лет, но она находится в здравом уме и светлой памяти и представляет род Спекторов на другом континенте. Потомки самого Арона уже в пятом поколении, с еврейской кровью и русскими фамили-

ями, пускают новые корни в биробиджанской земле. Внуки, правнуки и праправнуки Арона Спектора достойно продолжают дело предка, занимаются бизнесом, все находятся при деле и не собираются никуда уезжать, поскольку прикипели к этой земле.

Биробиджан воодушевляет только идеалистов из рабочих и служащих, но никак не широкие массы трудящихся, считал Ларин. Такой подход задевает Мережина за живое. Он знает многих из переселенцев по имени. Вместе с ними он прожил не один месяц и видел, в каких условиях идет обустройство переселенцев, какое у них настроение. Он предлагает целый ряд мер по коллективизации, объединению разрозненных хозяйств в товарищества и колхозы, предвидя, что полученных новоиспеченными крестьянами переселенческих кредитов едва хватит на создание лишь половины собственного хозяйства. Выжить в дальнейшем они смогли бы только при материальной поддержке властей и объединении в совхозы и колхозы.

В докладе ощущается острая борьба идей, в том числе вокруг вопроса, куда лучше направить усилия КОМЗЕТа и финансы зарубежных организаций – на освоение Крыма или в Биро-Биджан. Ларин, как приверженец крымского варианта, настаивает на своей линии, критикуя всех, кто не согласен с его оценкой. Мережин, как политик, парирует все его доводы, считая, что эти районы заселения не могут и не должны конкурировать между собой: *«И тут и там ведется работа прежде всего для трудящихся масс, для их экономического оздоровления. Да, в Биро-Биджане Президиум ЦИКа и КОМЗЕТ выставляют лозунг создания национально-территориальной единицы при благоприятных результатах переселения. Но это потому, что в Биро-Биджане легче реализовать этот лозунг. Для этого достаточно осуществить пятилетку КОМЗЕТа и переселить туда 12 тыс. семей – 60 000 душ. В этом случае еврейские переселенцы уже составят абсолютное большинство в Биро-Биджане. Всякий понимает также, что ст. Тихонькую, с её 200 нынешними дворами, легче сделать еврейской “столицей”, чем Керчь с его нынешним населением 35 тыс. жителей».*

Доклад А.Н. Мережина расставил многое по своим местам. Возможно даже, что без такого глубокого анализа и выводов, сделанных после него, Биробиджанский проект провалился бы, так и не успев набрать силу. В 1929 году в издательстве «Дер Эмес» тиражом 5 тысяч экземпляров вышла книга А.Н. Мережина «Что такое Биро-Биджан», которую он посвятил М.И. Калинин. Уже через несколько лет эти идеи начали воплощаться в жизнь, хотя кому-то они могут не нравиться и по сей день.

По его докладу Центральное Правление и Центральный Совет ОЗЕТа принимают резолюцию, а Бюро Далькрайкома ВКП (б) и Президиум Далькрайисполкома – постановления, в которых конкретно и подробно указывается на ошибки, допущенные в первый год работы по переселению в Биробиджан. Но, главное, были намечены серьезные меры по устранению выявленных недостатков и провалов в организации переселенческой кампании в Биро-Биджанский район. Начался новый этап осуществления дальневосточного еврейского проекта, несмотря на все мыслимые и немыслимые проблемы и трудности, которые продолжали ему сопутствовать ещё долгие годы.

За период с 1925 по 1937 годы в стране было переселено всего 126 тысяч человек, из которых на местах закрепилось только 53 тысячи, т. е. 42 процента. Переселение не стало решением социальных проблем евреев бывшей черты оседлости. Большинство, прежде всего молодежь, переселилось из бывших местечек (штетлов) в большие города. Основными районами переселения стали Южная Украина, позднее Северный Крым и, наконец, Приамурье (Биро-Биджан). Национальная автономия была представлена национальными еврейскими сельсоветами (160 в Украине, 29 в Крыму, 27 в Белоруссии), пятью национальными еврейскими районами (Калининдорфским, Новозлатопольским, Сталиндорфским – в Украине, Фрайдорфским и Лариндорфским – в Крыму) и, наконец, Еврейской автономной областью на Дальнем Востоке.

По транссибирской магистрали шли поезда с переселенцами, останавливаясь на крупных станциях. В исследовании ученого Я. Рои «Евреи и еврейская жизнь в России и в Советском Союзе» имеется указание о том, что «Омск и другие еврейские общины информировали религиозные общины Иркутска, когда точно эшелоны с еврейскими поселенцами, направляющимися в Биробиджан, будут проезжать через их город, чтобы собранные евреями Иркутска деньги, продовольствие и другие товары, которые они принесут к железнодорожной станции, распределить среди мигрантов. ...Правление Иркутской синагоги снабжало свитками религиозные общины Улан-Удэ, Биробиджана и других городов» (перевод с английского мой. – И.Б.).

В Биробиджанской общине хранятся книги и Талмуд, переданные в дар Правлением Иркутской синагоги, на которых стоит её штамп. История, если только она правдива, где бы ни была написана, интересна своими фактами, тем более такими, которые можно увидеть и даже потрогать.

Десятки исследователей этого вопроса по-разному оценивали происходящее. Одни говорили, что это был хитрый план Сталина, как раз и состоявший в том, чтобы свободой и землей заманить евреев на край земли, подальше от взора мировой общественности, и там покончить с ними одним махом. Другие считали, что это был способ привлечь иностранный капитал в стонущую и голодную от послевоенной разрухи Россию. Но была ещё одна характерная для тех лет причина переселения – романтика!

Проанализировав архивные документы, я насчитал четырнадцать стран исхода евреев в Биробиджан. В их числе: США, Аргентина, Уругвай, Бразилия, Германия, Палестина, Франция, Польша, Бельгия, Румыния и ряд республик СССР. Из-за границы только в 1932 году было направлено в Биробиджан 542 переселенца, которые были распределены в 10 населенных пунктов, в том числе в Сталинфельд – 103 человека, в коммуну «Икор» – 102, в Лондоко – 69, на завод «Фибролит» – 141, в Валдгейм – 19 и т. д.

(В Сталинфельд было переименовано село Сталинск. Оно стояло на берегу Амура и рассматривалось в перспективе в качестве административного центра Октябрьского района. Прежнее название – село Бутылкино – было изменено сначала на Центральное, а затем – на Сталинск. В селе был открыт первый в Биро-Биджанском районе сельскохозяйственный техникум. В середине тридцатых годов оно было полностью смыто наводнением.)

Газета «Правда» 4 августа 1932 года писала: «В Биробиджан прибыли новые группы переселенцев из Германии, Аргентины и Франции. Немецкая группа состоит из 59 человек. Во французской группе – 22 человека, аргентинской – 19. Среди прибывших много квалифицированных рабочих и специалистов».

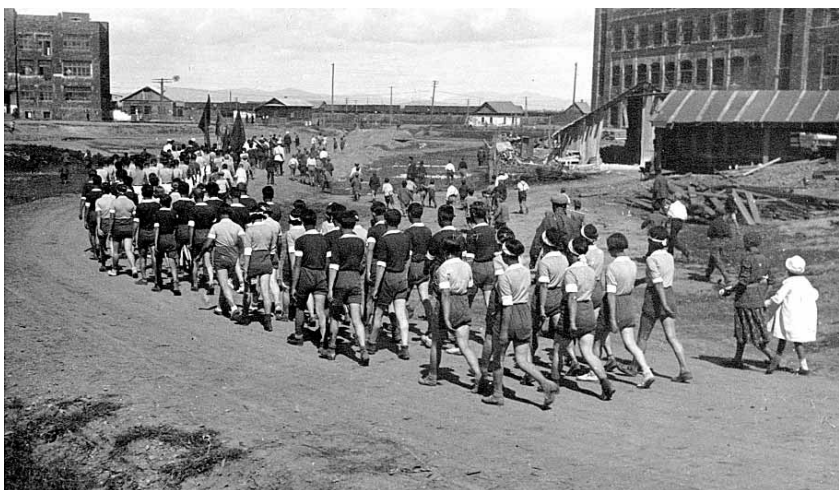

*Здесь на необжитой дальневосточной земле
будет создано новое еврейское местечко*

Нашли ли они и тысячи других евреев то, что искали за тридцать земель от родного дома, семьи – лучшую долю или романтику? На этот вопрос трудно ответить однозначно. Любое мнение здесь субъективно. Но, если суммировать имеющуюся информацию о грандиозном проекте переселения евреев на Дальний Восток, становится ясно одно: это была крупнейшая в те годы акция, к великому сожалению, должным образом не подготовленная. Идеологически раз-

рекламированная как на территории СССР, так и за границей, она не выдержала испытания на организационную и экономическую прочность с самого начала осуществления проекта.

А тем временем в городах и местечках Украины, Молдавии, Бессарабии, Белоруссии, за рубежом велась активная агитация среди местного населения за добровольный переезд евреев в Биро-Биджанский район. Обещали и работу, и жилье, и все остальное, разве что манна небесная не обещали. Хотя не всё шло гладко. Газеты писали в те дни: «Советская власть ведет среди евреев энергичную пропаганду за переселение в Крым и Биробиджан. Однако, как видно из доклада уполномоченного Озета Раикеса, в Белоруссии, которую он только что объехал, переселение в Крым и Биробиджан не возбуждает интереса среди населения. Зато в Москве получены телеграммы из Нью-Йорка и из Буэнос-Айреса, сообщающие, что ряд фабричных рабочих евреев выразил желание переселиться в Биробиджан, причем они готовы совершить путешествие за свой счет и привезти орудия производства».

Слева – строится Дом Облисполкома (сегодня там располагается мэрия г. Биробиджана); справа – возводится здание школы

Ради объективности следует иметь в виду, что на американском континенте в тридцатые годы разразился экономический кризис, была страшная безработица, и, возможно, именно по этой причине в первую очередь тысячи заявлений на работу лежали в торговых представительствах России.

Порой не так-то просто было даже записаться в группы, которые комплектовали уполномоченные ОЗЕТа. Местечковые общины избирали добросовестных и порядочных людей, которым доверяли поехать по разнарядке, посмотреть на условия жизни, оценить возможность получить работу и затем вернуться обратно, чтобы рассказать всем, что их ждет в еврейском районе, то есть общины желали получить информацию из первых уст. В некоторых пунктах устраивались собеседования, проверялось состояние здоровья, и поэтому не каждый желающий мог попасть в формируемые группы. Но где-то, из-за проблем с выполнением разнарядки, по прибытии на место выяснялось, что у переселенцев не было необходимой профессии для трудоустройства, не говоря уже о том, что евреи, действительно, в большинстве своем с землей раньше дела не имели. Но этот сравнительно слабый «бюрократический» отсев не шел ни в какое сравнение с тем отсеком, который впоследствии устроила им на месте реальная жизнь.

Судьбы первых переселенцев немногим отличались друг от друга. Голод и нищета, безработица в еврейских местечках, антисемитизм и погромы заставляли людей идти на любые шаги, чтобы уберечь и прокормить семью, вырастить детей. В поисках *глик ун нахес* (радости и счастья) они готовы были даже сорваться и поехать за десять тысяч верст на край земли. Строительство нового города, Биро-Биджана, было для бедных евреев той соломинкой, за которую они хватались как за последнюю надежду в жизни. Кто же привел сюда людей, кто проделал черновую работу, в результате которой впоследствии был сделан вывод о возможности заселения этих земель?

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРОФЕССОР БРУК

Одним из тех, кого можно назвать в числе открывателей и первопроходцев этой земли, был Борис Львович Брук.

Родился он в 1885 году в маленьком еврейском местечке Мезин Черниговской области в бедной семье сапожника. Природа наделила этого мальчика в полной мере талантом, умом, благородством. Практически самоучкой, экстерном, он закончил классическую гимназию с золотой медалью.

Поступить в университет еврею в те годы даже с такой наградой было крайне трудно. Лишь в 1910 году, после неоднократных попыток (для евреев существовала пятипроцентная норма), его приняли в Киевский политехнический институт, где он увлекся экономикой сельского хозяйства.

После его окончания Борис занялся научной работой в Воронежском сельскохозяйственном институте. Его труды печатаются в Воронеже и в Москве, они доступны пониманию крестьянина, о чем можно судить по названиям брошюр: «О нормах наделения земель в пределах Воронежской губернии» (1918 год), «Пашни под яровые с осени» (1924 год), «От трехполья к шестиполью с викоовсяным паром» (1925 год), «Как наладить крестьянину свое хозяйство на черноземе» (1925 год), «Как получить стопудовый урожай ржи» (1925 год) и т. п. Тогда же за многочисленные публикации научных работ он получил звание профессора без защиты докторской диссертации.

Наряду с научной деятельностью Борис Брук занялся идеей обустройства еврейской автономии. Вместе с другими единомышленниками ученый переехал в Москву для работы в КОМЗЕте при президиуме Совета национальностей ЦИК СССР). Брук объездил Крым, Украину, Белоруссию. Впечатление от тех поездок у многих было одним: территории густо заселены, конфликтов с коренным населением не избежать, надо искать новые, необжитые земли.

В 1927 году была подготовлена группа, укомплектованная учеными и специалистами в разных областях науки для ра-

боты в экспедиции, направляемой на Дальний Восток. По приезде в Хабаровск Б.Л. Брук выступил перед руководителями края с докладом о плане работ, представил своих коллег, в числе которых были почвоведы – агрономы В.А. Францес, А.И. Харциев, А.Я. Буш, ботаник И.В. Галкин, инженеры В.М. Энгельгардт и Н.И. Рычков, помощник Б.Л. Брука С.М. Каплан.

Ещё до отъезда в Москву было принято решение возложить общее руководство на профессора В.Р. Вильямса, а начальником экспедиции назначить Б.Л. Брука, получившего надлежащую бумагу, подписанную М.И. Калининым.

(Василий Робертович Вильямс (09.10.1863–11.11.1939) – академик по Отделению математических и естественных наук, специализация – почвоведение, избран 01.02.1931. Академик АН Белоруссии (1929) и ВАСХНИЛ (1935). Ему принадлежит идея травопольной системы земледелия, которая была детально разработана, научно обоснована и способствовала прогрессивному увеличению плодородия земель. Под его руководством создается питомник многолетних трав, разрабатываются методы борьбы с сорняками. Им был сформулирован закон равнозначимости и незаменимости факторов жизни растений. Он – лидер биологического направления исследований, организатор Института кормов. С его именем связано становление и развитие кормопроизводства в стране. В 1931 году получает премию имени В.И. Ленина. Рукописи, труды, собрания сочинений В.Р. Вильямса, насчитывающие более 800 научных работ по насущным проблемам земледелия, мелиорации и др., актуальны и сегодня).

Многие впоследствии задавали вопрос, почему была выбрана эта далёкая таёжная глухомань, на что Брук отвечал: «Когда после долгой и тяжелой дороги вышли мы на станции с таким милым названием, стояла сузящая благодать: светило солнышко, воздух ароматный, чистый, кругом яркая зелень, а главное – почти сплошь незаселенные просторы. Немногочисленное местное население с радостью встречало новых поселенцев».

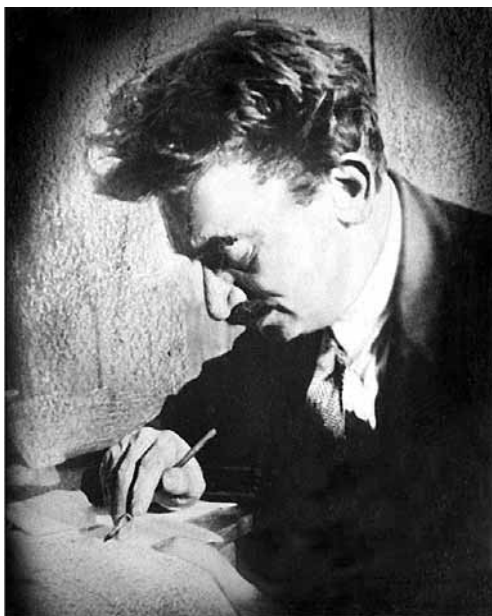
Но такое праздничное начало было омрачено потом буднями походов по непроходимой дальневосточной тайге.

В своем отчете Б.Л. Брук позже написал: «*Поход был несомненно тяжелым, ночевки под дождем, тяжелые переходы, гнус, встречи со зверем, трудные переправы через многочисленные реки и речки, подъем в горы, местами переходы и переправы через топкие болота и кочкарник, условия питания – всё это доставляло немало лишений. Но члены экспедиции, движимые познавательными целями и с осознанием поставленной перед ними задачи, осуществляли намеченную программу полностью, нигде не останавливаясь перед препятствиями*».

Скрупулёзно он вел журнал экспедиции. За время работы было пройдено 1559 километров, сделано 147 почвенных разрезов, взято до 2000 проб, выполнено 150 геоботанических описаний, оформлено в виде гербариев 1500 образцов растений.

Обследовано 20 водных артерий в 54 точках, описано 12 плотин и 5 водяных мельниц, изучен водный режим на 280 гектарах угодий. Брук с помощниками лично обошел и обследовал почти 300 дворов в Екатерино-Никольском, Пузино, Бабстово, Биджане и других селениях, собрал данные по 150 семейным бюджетам.

Общий вывод, сделанный экспедицией, был таков: район перспективен для развития сельского хозяйства, станция Тихонькая имеет главное значение в этой части приамурского района, так как связана колесным путем с селом Ми-

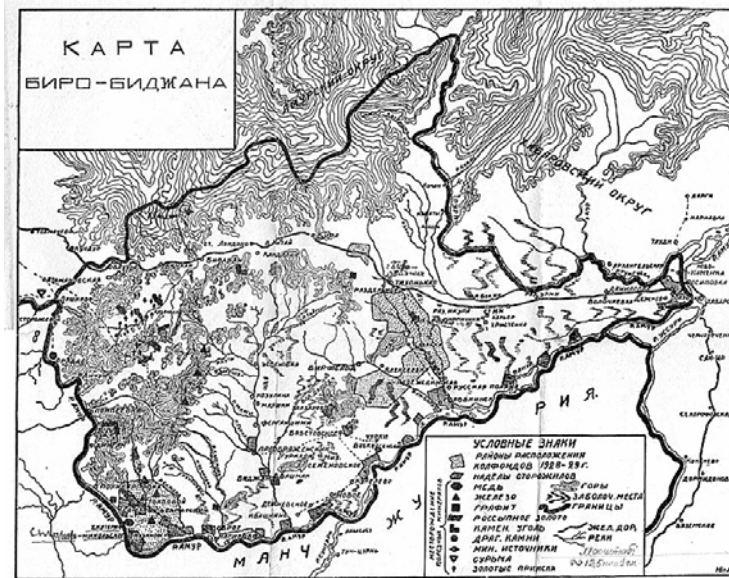

Профессор Б.Л. Брук

хайло-Семеновское (ныне село Ленинское) и остальным побережьем Амура.

Вернувшись в Москву, Брук принимает деятельное участие в работе КОМЗЕТА по организации переселения евреев в область, одновременно занимаясь научной деятельностью. В 1929 году в Москве издана его книжка «Биробиджан», ставшая особенно популярной в регионах, где были пункты по отправке евреев на Дальний Восток.

В книжке была географическая карта и семь фотографий. В оглавлении он четко обозначил основные вопросы, которые могут заинтересовать переселенцев-евреев. Надо отметить, что Брук поставил перед собой цель рассказать о земле, куда намечено переселение, и обозначить проблемы освоения для тех людей, кто собирался поехать в Биробиджан.

Карта из книги профессора Б.Л. Брука «Биробиджан»

Описывая площадь и географическое положение, он сравнивает эту территорию с Бельгией, Голландией, Эстонией, Палестиной, Республикой немцев в Поволжье, Крым-

ской АССР и ставит её на второе место после Эстонии. На одной широте, приводит он в качестве примера, лежат украинские города Балта, Первомайск, Кривой Рог, Запорожье, Сталин, Бердичев, Белая Церковь, Полтава, Харьков, Лубны. Конечно, отмечает Брук, климат на дальневосточной земле не тот, зимы длиннее и холоднее, дождей больше, но зато на той же широте находится эта земля, что и украинские города, названия которых всем знакомы, да и земли свободные, всем места хватит – аргумент в то время лучше и не подобрать.

Эта небольшая брошюра (на первой странице Борис Брук написал: «Переселенцам – пионерам 1928 года посвящаю») сыграла определенную роль в принятии правительством решения об организации области, и, конечно, она произвела большое впечатление на потенциальных переселенцев.

Но в Москве в те годы было беспокойно. Свирепствовал руководитель НКВД Г.Г. Ягода. В 1930 году Б.Л. Брука вместе с его коллегой профессором А.В. Чаяновым арестовали по ложному обвинению.

(Александр Васильевич Чаянов (1888–1937) – экономист-аграрник. В 1918 году стал доктором наук, профессором Петровской сельскохозяйственной академии. В 1919 году возглавил НИИ сельского хозяйства и экономики, вошел в число членов коллегии Наркомзема.

Чаянов считал, что высокая степень концентрации сельскохозяйственного производства нерентабельна, и сделал вывод о преимуществах мелкого и среднего крестьянского хозяйства. Взгляды Чаянова были объявлены антимарксистскими; в вину ученому вменялись желание сохранить индивидуальное крестьянское хозяйство, недооценка роли пролетариата, защита интересов кулачества.

В 1929 году И.В. Сталин произнес фразу, которая стала, по сути, приговором для ученого: «Непонятно только, почему антинаучные теории “советских” экономистов типа Чаяновых должны иметь свободное хождение в нашей печати». В июле 1930 года Чаянов был арестован и осужден по сфабрикованному делу «Трудовой

крестьянской партии». 3 октября 1937 года он был вновь судим Особым совещанием при НКВД СССР и в этот же день расстрелян. Его жена, просидевшая в лагерях с небольшими перерывами 18 лет, умерла в 1983 году, так и не добившись реабилитации мужа, объявленной Верховным судом СССР только 16 июля 1987 года.)

Семья Брука несколько месяцев не знала, где держат отца, в какой тюрьме. Дочь Нина Борисовна, с которой я встречался в г. Хабаровске, рассказала мне драматическую историю поиска отца по тюрьмам. Никто не говорил, где он находится. Только благодаря активной помощи Екатерины Андреевны Пешковой, жены М. Горького, к которой они обратились с просьбой помочь разыскать отца, семья вскоре узнала, что отца содержат в Бутырке.

Затем последовала ссылка в Казахстан, потом в Хакасию на поселение, а следом выслали всю семью. Только через три года, когда пришла справка о реабилитации, Борис Львович получил разрешение уехать из Абакана в Биробиджан. Но клеймо бывшего заключенного оставалось на нем почти всю его жизнь.

По приезду в Биробиджан Б. Брук отправляется в расположившуюся недалеко от села Бирофельд областную сельскохозяйственную опытную станцию, где в должности заместителя по научной работе исследует возможности развития сельского хозяйства в местных почвенно-климатических условиях. Работой станции заинтересовались за границей, сюда приезжали из Аргентины, Австралии, Палестины, помогали оборудованием. В 1935 году Б.Л. Брук был отмечен званием ударника за исключительно ценную работу «Направления сельского хозяйства Еврейской автономной области (плановое районирование)» и широкую общественную работу в области.

Но наступивший трагический для страны 1937 год, когда без причины десятки тысяч людей были подвергнуты репрессиям, сломал все планы и намерения биробиджанских ученых. Были арестованы директор опытной станции Е. Митновицкий и К. Щупак, кандидат наук, работавшая в

области картофелеводства. Изгнан с работы с немислимыми унижениями Борис Брук.

В 1938 году его семья переезжает в Биробиджан. Работу профессору в те годы в городе практически невозможно было найти, и Брук пошел преподавать математику в школу № 1.

Первый слева в нижнем ряду – учитель математики Б.Л. Брук

Пять лет он проработал в школе, но и здесь оставил свой яркий след как педагог. Его бывшая ученица Нина Лазаревна Герцвольд, которая впоследствии стала заслуженным учителем школы РСФСР, рассказывала мне: «Нам вообще повезло – он был у нас классным руководителем. Строгий и добрый, рассеянный и внимательный, наивный и мудрый учитель преподавал нам главную науку – быть человеком с честью и совестью. От него мы впервые слышали заповеди Соломона и Моисея: “Не доставляют пользы сокровища неправедные”, “Не делайте неп-

равды в суде, в мере, в весе, измерениях”. И все это на уроках математики».

Учителя школы, её директор Василий Максимович Корпусов в годы сталинских гонений старались оберегать детей, чьи родители были репрессированы. Василий Максимович, как вспоминала дочь Брука, приводил таких детей к себе домой, давая им и ночлег, и еду.

В 1943 году, когда страсти вокруг Брука поутихли, его пригласили на работу в Хабаровский НИИ сельского хозяйства на должность старшего научного сотрудника. И с новой энергией он берется за науку. Монография Б. Брука «Пшеница на Дальнем Востоке» стала основой его докторской диссертации. В 1948 году в Киеве защита диссертации прошла без единого «черного шара».

Но в это время в стране началась новая кампания борьбы с космополитами, и Брук опять оказался в опале. ВАК не утверждает его диссертацию. Дочь Брука откровенно сказала мне, что единственная причина, по которой не утвердили докторскую диссертацию отца, – его еврейское происхождение. Об этом рассказал им профессор И.В. Якушкин.

Изучив материалы тех лет, я понял: причина была не только в этом. Брук и Якушкин, как оказалось, были давно знакомы по прежней деятельности в сельскохозяйственной науке. Но пути их разошлись после 1930 года.

Немного истории:

Жизненный путь И.В. Якушкина изобилует сложными виражами и крутыми поворотами. В 1920 году, не найдя общего языка с советской властью, молодой профессор-растениевод, ученик и преемник профессора В.Р. Вильямса, бежал сначала из Воронежа в Крым, потом попытался выехать из Крыма с отступающими частями генерала Врангеля. В конце двадцатых годов неудачливый беглец решил, что грехи его забыты, и перебрался обратно в Воронеж. В 1930 году во время «первой волны» массовых арестов его схватили. В те годы особенно охотно «брали» ученых сельскохозяйственного профиля. Этим «вредителям» предстояло держать ответ за вызванный коллективизацией развал сельского хо-

зьяйства. Многие тогда сгинули без следа. Но Якушкин уцелел. Профессор Тимирязевской академии Иван Вячеславович Якушкин бросил первый камень в академика Николая Вавилова.

Много лет спустя, в июне 1955 года, проверяющий «дело № 1500» майор юстиции прокурор Колесников пригласил к себе И.В. Якушкина. Не запираясь, Якушкин выложил как на духу и то, что в тридцатом его завербовали в ОГПУ, и то, что писал доносы. Недоброжелатели и конкуренты профессора, а затем академика Якушкина в мгновение ока исчезали с его пути. «Являясь секретным сотрудником ОГПУ, я направлял в ОГПУ агентурные донесения, в частности, о Вавилове», – сообщил он прокурору Колесникову. Судьба Николая Вавилова – расстрел с конфискацией принадлежащего ему имущества – всем известна.

А на Брука снова обрушились травля и суд несправедливый. Единственного в Хабаровском институте профессора вместе с двумя уборщицами уволили... по сокращению штатов. И вновь Брук безработный.

Беспартийный Брук был неудобен для партийной власти. Дом Бориса был всегда открыт для друзей и просто знакомых. Его свобода в общении с разными людьми, переписка с зарубежными учеными вызывали раздражение и недовольство.

Кстати, эта особенность Брука сохранилась как семейная традиция. Даже спустя годы, когда я напросился на встречу с дочерью Бориса Львовича, меня, совершенно чужого, постороннего человека, пригласили зайти в дом и ответили на мои вопросы. До этого я заочно познакомился с описанием его жизненного пути, сделанным разными журналистами. Мне самому захотелось убедиться, что все действительно так, как пишут и говорят об этом человеке.

О таких людях, как Брук, на Руси обычно говорили: святой человек, бесребреник, альтруист. Его творческое наследие составляет свыше ста книг и статей. Он владел пятью языками, в том числе и идиш. Уже будучи на пенсии, делал переводы с еврейского, английского, немецкого, писал сти-

хи, рассказы. Многие его работы так и не опубликованы до настоящего времени.

Когда Бруку было за 80 лет, хабаровская кинохроника готовила специальный киножурнал к юбилею Еврейской автономной области. Узнав о роли Б. Брука в создании области, журналист Михаил Ханух, работавший над сценарием, попросил дать ему интервью. Борис Львович был безмерно счастлив, что о нем вспомнили в канун предстоящего юбилея. Но каково же было ему после выхода журнала на экран, когда он не увидел там себя! Журналист не смог объяснить, кто и почему вырезал эти кадры. Брук не обижался, он страдал от того, что его незаслуженно вычеркнули из истории Еврейской области. Может, и сохранилось в киноархивах это интервью. Интересно было бы посмотреть, что же такого страшного из нашей истории рассказал Борис Брук, если это не дали посмотреть простому зрителю, или, может, клеймо врага народа по-прежнему мерещилось партийным идеологам...

Его трудами воспользовались многие ученые и защитили впоследствии диссертации, иногда так и не указав в них этот источник. Брук скончался в возрасте 94 лет. И лишь после смерти к его архивам проявили интерес институты, где он работал в свои лучшие творческие годы.

Но и биробиджанцы не проявили в должной мере интереса к профессору Б.Л. Бруку, без которого, может быть, не появилась бы на карте России Еврейская автономия. Я уверен: во имя справедливого представления об истории образования области необходимо увековечить память об этом человеке. Пусть она будет отражена в названии школы, где профессор преподавал математику, а может быть, это будут улица или микрорайон, названные именем Брука – одного из колумбов наших дальневосточных земель.

Отчет Б. Брука об экспедиции в Биро-Биджан был одобрен в Хабаровске и поступил на рассмотрение в вышестоящие органы. Постановлением Совета Народных Комиссаров от 28 марта 1928 года за КОМЗЕТОм было закреплено

4,5 млн. га в Приамурской полосе Дальневосточного края для массового переселения евреев на добровольных началах.

М.И. Калинин, или, как его называли, Всесоюзный староста, сказал тогда, что целью правительства является привлечение сюда 100 тысяч евреев. Выполнить эту разнарядку не удалось, но в конце 1920-х – начале 1930-х годов на Дальний Восток добровольно потянулись тысячи переселенцев.

ПЕРВЫЙ ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ

Кто-то приехал сюда по зову сердца, кого-то привела мечта об обретении своей земли, кто-то бежал от разразившегося на Украине страшного голода, безработицы, кого-то гнал с насиженных мест антисемитизм.

Одним из тех, кто испытал на себе все прелести «еврейского счастья» на этой земле, был Борек Нохем. Его судьба – лишь одна из историй переселения в Биро-Биджан. (Из неопубликованных рассказов Г. Доби́на в переводе с идиш Е. Беляевой, в сокращении).

«Вот уже два года как в местечке Терновка не было никакой работы. Такие, как Нохем, бродили от одной мастерской или лавки к другой в поисках случайного заработка. Разбитые и подавленные, они периодически обращались в сельсовет с жалобами на свое нищенское существование.

Перед Песахом 1928 года председатель сельсовета Фридман собрала людей и стала рассказывать, что получила наряд на отправку людей в Биро-Биджан. Там, говорила она, построят еврейскую страну, все получают землю, заведете хозяйство, станете людьми. Здесь для вас никаких перспектив нет, езжайте в Биро-Биджан. С собой ничего везти не надо, вы здоровые люди, там вам все дадут.

Пришел Нохем домой, рассказал всё жене, а сам думает: Фридман права. Чего мне ждать в местечке? На что жить? Я даже голосовать на выборах не могу. То дадут право, то заберут. Жена стала плакать, а за ней и дети:

– Куда поедem, на край света? По горам – по долам? А комары – каждый весом в один фунт, звери, за жизнь страшно.

– Корова, что ревеешь? – стал успокаивать её Нохем. – Не хочешь, чтобы я ехал? Хорошо, я не поеду. Может быть, ты мне скажешь, чем я должен тут заниматься? Может быть, ты мне покажешь дорогу, куда мне идти? Где искать кусок хлеба?

Расплакались они ещё больше, хотя чувствовал он, что жена понимает безвыходность положения. Пошел Нохем записываться в сельсовет. Собралось всего 18 человек. Организовали коллектив под названием “КОМЗЕТ”, выбрали комсомольца Немировского председателем, купили штемпель. Перед отъездом провели собрание, и оказалось, что желающих осталось всего 8 человек. Провожали их с музыкой, подарками. На станциях, где поезд делал короткие остановки, его встречали и провожали представители “ОЗЕта”, присоединяя все новые и новые группы переселенцев и просто ходоков, ехавших из разных мест в Биро-Биджан.

Ясным днем 28 мая эшелон из 600 человек прибыл на станцию Тихонькая. Встречало их много людей, среди которых были представители “ОЗЕта” Рашкес и Бейнфест. Часть переселенцев перешла в палатки, остальных оставили в вагонах. Единственный барак был уже переполнен, но сидеть в нем не хотелось. К вечеру налетел ветер, стало порошить, и намело много снега. Засыпало домишки, повозки, лошадей. Было очень холодно. Но ещё больше все похолодели от страха: снег 28 мая.

Утром собрали вновь прибывших на митинг. Обещали дать все, что нужно, лишь бы хорошо работали. Нохем с товарищами на весь коллектив получили четыре лошади, плуги, баяны, ящики, ведра, различные продукты. И стали они готовить телеги, упряжь. 3 июня поехали вчетвером на Опытное Поле занять хорошее место. Самый тяжелый кусок дороги был от Тихонькой до сопки. Уже в дороге их накрыл дождь. К вечеру они вообще заблудились, подъезжая к Алексеевке. Над Бирюшкой стоял туман, а на другом берегу еле видны были огни, палатки. Сколько ни кричали, никто так и не откликнулся. Решили вернуться обратно.

Смертельно уставшие, приехали на Опытное Поле. Навстречу им вышел товарищ Финкельштейн. Принесли бедолагам еды, переговорили, и предложил он им ехать заселяться на Озерный надел,

лучшего места не найти, так красиво все расписывал. Приехали они туда под проливным дождем, а там уже смоленская группа в палатках сидит и опять расписывает красоту этих мест. А дождь не прекращает лить. Стали под дождем ставить палатку, сильно страдая от укусов комаров, которые не отстают, даже несмотря на ливень. Так долго они мучались, пока самые молодые, крепкие партийцы не начали ругаться, едва не плача.

– Лучшие бы Фридман себе голову разбила перед тем, как нас сюда посылать. Нашла место. Это каторга, а не место, где нужно строиться.

Только на третий день дождь прекратился, и Нохем с товарищами поехал на Тихонькую за остальными. Дорога после дождя туда и обратно – непроходимая. С трудом преодолели они этот путь. Собрал их всех Финкельштейн на короткое собрание и сказал: “Мы даем вам, товарищи, все. Но мы хотим, чтобы вы показали, как можете работать: просто так мы вам ничего не дадим. Сделайте для начала загон из лозы для лошадей, пока паут не пришел”.

Затем выступил Шварцман и предложил сначала построить жильё для себя и затем хорошую конюшню для лошадей, а не плетенку. Это выступление больше понравилось, и приступили все к заготовке леса. Но с наступлением тепла и мелких дождей становилось все больше комаров, от укусов которых распухли лица, руки и ноги. Строить дальше не было сил. Стали возить продукты с Тихонькой в Опытное Поле, чтобы как-то продержаться, пока не прекратятся дожди и комар не будет таким злым, чтобы опять продолжить строительство.

Тем временем Немировского убрали из председателей, а на его место выбрали Нохема. Борек оставил часть людей на заготовке леса, а сам с Фаргесером стал ездить за продуктами на Тихонькую. Дорога в оба конца длилась 5–6 суток, и то в лучшем случае (60 км до Опытного Поля. – И.Б.). Обычно подводу нагружали не больше чем 3–4 мешками муки. Часто так изматывались в пути, что пару мешков бросали на дороге, а сами, едва живые, добирались до дома, проклиная такую жизнь.

Строительство шло медленно. Люди не могли хорошо работать из-за комаров. Они лежали в палатках с распухшими, рас-

царапанными в кровь лицами и ничего не делали. В другой раз, когда Нохем возвратился из очередной поездки, его встретил крик: “Хватит! Большие уже не можем. Домой! Мы едем домой. Какая дикость! Здесь место зверям, а не людям”.

Борек созвал собрание. Большинство было за то, чтобы собрать все, что дал ОЗЕТ, сдать и уехать домой. Но Нохем не хотел уезжать, его поддержал Фаргесер, молодой парень, работавший извозчиком и мужественно шагавший распухшими от сырости и укусов комаров ногами. Он тоже не хотел уезжать из Биро-Биджана. И уговорили они вдвоем всех переехать в другое место, но остаться. Собрали весь скарб и двинулись в путь. В дороге вдруг пала одна лошадь. Попытались поднять её, но не помогло. Через минуту она стала надуваться, распухать. Поняли, что это сибирская язва, бросили лошадь и поехали дальше.

В Опытном Поле встретил их Финкельштейн, немного рассердился, но предложил заняться заготовкой леса для бревен. За работу платили хорошо, но уже через пару недель коллектив распался, так как поругались из-за денег. Пять человек из восьми вернулись на Украину, а Нохем остался работать сторожем в селе.

Каждое лето Борек хорошо зарабатывал, сжигая и закапывая лошадей, умерших от сибирской язвы. Никто не хотел браться за такую работу. За одну похороненную лошадь ему выплачивали 60 рублей. Вокруг Опытного Поля на разработках наделов погибло тогда около 500 лошадей.

Подкопив денег, Нохем отослал немного жене и детям, чтобы приехали к нему. Но ехать сюда они не хотели, не веря его письмам про хорошую жизнь, жирную землю, где все растет и дает отличный урожай. Однажды он получил от жены письмо, в котором она писала, что в Терновке говорят, якобы за одно хорошее письмо ему платят 10 рублей. “Значит, – подумал Нохем, – я продаю ложь...., так как те, кто убегает, наговаривают невесть что о Биро-Биджане”.

Так продолжалось до 1932 года, когда на Украине разразился настоящий голод. Только тогда жена согласилась приехать, но поставила условие, чтобы Нохем приехал и забрал её. ОЗЕТ помог деньгами, и он поехал за семьей.

Обратно Нохем приехал ещё с несколькими семьями – кого успел уговорить. С поезда пошел к товарищу Рашкесу, объяснив, что он и его семья сейчас без единой копейки. Рашкес попросил секретаря выписать ему чек на 500 рублей и сразу отдал его Бореку: «Идите, товарищ Борек, получайте деньги, а если понадобится ещё, то приходите прямо ко мне. Мы вас не оставим без помощи».

Дочь, учительница, осталась работать на станции Тихонькая, сын поехал учиться в сельскохозяйственный техникум в Сталинфельд, а Нохем вместе с женой отправился в Опытное Поле.

Сейчас, когда в доме была хозяйка, Нохем задумался о покупке коровы. Понятное дело, без денег не дадут. Пошел он к товарищу Рашкесу. Тот сразу послал его к Столову, который дал направление, чтобы получить корову в Валдгейме. Но тут в разговор вмешался товарищ Бялый, заместитель директора Опытной станции.

– Что это такое, – начал он кричать, – товарищ Борек у нас один из первых рабочих, разве он должен ехать куда-то просить корову, когда у нас сейчас на ферме их около сотни. Я дам ему корову.

Приехал Нохем домой, пошел за коровой, которую обещал Бялый. Новый директор – Митновицкий – посылает его за повозкой, чтобы ехать за коровой.

– Зачем мне повозка? – удивился Нохем. – Я могу пройти пешком до загона.

– Не вам нужна повозка, а корове. Она немного больная.

– Что это значит – больная, зачем она мне нужна? Я мог в Валдгейме взять здоровую корову.

– Другой у меня нет.

Ничего не помогло Нохему. Пошел он и купил теленка у крестьянина за 1000 рублей. 200 рублей своих было, 200 дочь дала, ещё 200 одолжил Бялый, а 400 рублей крестьянин обещал подождать.

Прожил Борек Нохем в Опытном Поле до 1935 года, а потом переехал в Биробиджан, дочь позвала к себе. Купил домик, и стали жить они одной мишпохой».

Его история, записанная и сохранившаяся в архиве, лишь одна из немногих дошедших до нас жизненных драм. Но для кого-то мир в том временном измерении остановился, и мы с большим опозданием узнаём о людских трагедиях, а о многих станет известно спустя ещё через десятилетия. Биробиджанские архивы не открыли свои тайны, а старое кладбище тридцатых годов – последнее место обитания первых переселенцев, на месте которого был построен родильный дом, – уже давно перестало существовать.

Только сильные духом люди могли выдержать нечеловеческие условия существования. Дальневосточная природа устраивала для тысяч таких, как Нохем, свои испытания на прочность характера. Суровая зима 1932 года, затем наводнение, которое унесло почти весь ещё не созревший будущий урожай и затопило пастбища, сразу подкосили животноводство. Сотни полуголодных коров были забиты ещё до зимы, так как их нечем было кормить. В этот же период наступили перебои с хлебом, и уже людям, отрезанным паводковыми водами от районного центра, пришлось голодать.

В том году, несмотря на большой заезд новых переселенцев, около семидесяти процентов приехавших вернулись обратно домой. Не каждый мог совладать с выпавшими на их долю тяготами жизни, созданными непривычной средой проживания. Они не были готовы к трудностям и превратностям судьбы. Многие из них посчитали себя обманутыми и приняли единственное и простое в таком случае решение – вернуться домой. Не нам судить их за это.

В судьбах этих людей отражается время. Перед нами не просто перечисление событий – это их жизнь, быт, взаимоотношения между людьми, это их мир, в который мы имеем возможность заглянуть, получив весточку из прошлого века.

Перелистывая осторожно и трепетно пожелтевшие странички архивных документов, вдруг представил себе, что вот только что их закончили писать или печатать, и кто-то зашел в комнату и положил их мне на стол. Просматривая эти докладные, записки, инструкции, отчеты, я пытался по-

нять людей, их написавших, ход их мыслей, ощущение ими событий и жизни тех далеких дней.

Состояние моей души было похоже на то, когда в первые годы после переезда в Израиль родных я гулял с ними по узким каменным улочкам древнего Иерусалима. По их отполированным за многие годы башмаками и ветрами камням бродили наши предки, к этим многовековым стенам прикасались в мольбе их руки и головы. Иерусалимский камень, из которого в этом городе построены почти все дома, хранит в себе теплоту и прохладу и, что очень важно, память наших предков. Эта память витает вокруг новых и старых зданий, стоящих рядом с безмолвными древними руинами, придавая им особую таинственность. Раввины оберегают и хранят их как зеницу ока. На этих серых затертых камнях как будто стоит печать вечности, они находятся под охраной Вс-вышнего, и ничто в мире не может изменить существующий здесь уже многие тысячелетия порядок.

Иудеи, мусульмане, христиане каждый день в своё время возносят молитвы Господу своему. Камни отражают гулким эхом звуки шофара, тоскливую песнь, звучащую с минаретов, звон колоколов христианских церквей, разнося звуки и голоса меж узких улочек старого города, возвращая нас в прошлое и напоминая о наших предках. Этот звук слышен в пределах древних стен Вечного Города, как называют здесь Иерусалим, которые как будто оберегают и сохраняют паритет религий, примиряя и напоминая нам о необходимости мирного сосуществования на этом маленьком клочке священной Земли. Такого ощущения нет больше ни в одном месте нашей планеты.

Мы поднимались к святому городу. Каждый человек, впервые приходящий в старый город, считает своим долгом подойти к одной из самых древних святынь Израиля – Стене Плача. Он может написать записку Б-гу, вложив её в расщелину Стены и попросив его о своём самом сокровенном желании. После этого обязательно почувствуешь облегчение, как будто ты исповедовался, и прилив какой-то энергии, исходящей от стены, некогда принадлежавшей Храму Господа. Божественная энергия входит в твой разум, давая понять, что ты получил духовное напутствие, которое обязательно будет способствовать выполнению этой

просьбы. Тысячелетние эпохи, как какой-то сгусток высшей материи, входили на этой площади в мою душу, когда я стоял перед Стеной Плача и Мира и чувствовал свою причастность к истории и предназначение продолжить свой путь по дороге жизни.

Мне тогда показалось, что из древних темных коридоров, проходящих под Западной стеной, выложенных из огромных, высеченных вручную камней, отдающих прохладой вечности, из-за очередного поворота сейчас навстречу выйдет в кипе и с пейсами человек из прошлого мира. Проходившие мимо меня люди в черных сюртуках и широкополых шляпах, с накинутыми на плечи цицес и талес чем-то напоминали тех древних иудеев, которые шли по глубоким коридорам истории.

Этой историей дышали и листки архивных документов. Чем глубже вникал в их содержание, тем более понятным становился проект переселения евреев в Биробиджан, в котором принимало участие значительное по тем временам количество организаций и людей. И тем больше было уверенности, что, несмотря на все их старания – а все делалось практически с нуля, – эти усилия не могли дать того результата, на который рассчитывали люди.

Уже через полгода с начала переселения в докладной записке ЦП ОЗЕТа от 9 декабря 1928 года, отправленной в Москву, было отмечено: «Люди несомненно ожидали лучшего, чем то, что может дать тайга даже при всех стараниях со стороны местной организации». Отмечалось также, что людям «были обещаны при отправке несравненно более льготные условия, чем те, которые могут быть предоставлены здесь».

В сравнительно мягкой форме был высказан упрек в адрес пунктов по отправке евреев-переселенцев в Биро-Биджан, представители которых скрывали трудности освоения новых территорий, отсутствие работы по специальности, жилья и другие проблемы.

Для многих они становились понятными лишь по приезде на место, когда, спустя почти месяц путешествия на поезде, евреи прибывали на станцию Тихонькая, где, кроме нескольких бараков и палаток, им негде было присесть, отдох-

нуть с дороги. А им уже вручали под расписку пару дохлых кляч с телегой, ведра, топоры, пилы, давали проводника. И шли они по тайге через болота, речки, сопки то на подводах, то таща их за собой, по пояс, а иногда по горло в воде, уповая на то, что когда-нибудь будет у них хорошая жизнь. И каждый вслух или про себя говорил: «*О вей из мир, куда я попал, за что мне всё это досталось?*» И с ещё большим упорством они осваивали эту землю.

Что же происходило в эти годы в области, о чем писали наши газеты?

«И шли они по тайге через болота, речки, сопки то на подводах, то таща их за собой, по пояс, а иногда по горло в воде, уповая на то, что когда-нибудь будет у них хорошая жизнь»

«ДИНАМИТ КЛАССОВОЙ ПРАВДЫ О СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ»

Эта фраза режет слух и, как никакая другая, даёт представление о бескомпромиссной классовой борьбе той эпохи. Я натолкнулся на неё в газете «Биробиджанская звезда», просматривая хронику дальневосточных событий тридцатых годов, где говорилось о том, что в Китай отправлена партия военнопленных солдат, которые повезли с собой этот самый «динамит классовой правды о Советской стране»...

Конец тридцатых годов как для нашей страны, так и для Биробиджана был насыщен самыми печальными и страшными событиями. Суды троек, акции по поиску троцкистов, шпионов и вражеских лазутчиков, кампании, развернутые партией против всего, что не соответствовало линии Сталина, приводили к арестам и скорым судам. Приговор – десять лет – был минимальным сроком, так как за названные выше преступления он доходил до двадцати пяти лет и часто приводил к расстрелам. Об этом говорят раскрытые в последние десятилетия расстрельные списки под грифом «Секретно» с именами десятков тысяч ни в чем не повинных наших граждан, реабилитированных спустя почти полвека. Им уже ничем не поможешь, и ничего нельзя вернуть.

Родственникам от этой запоздалой реабилитации стало не намного легче, а выжившие после лагерей люди не смогли написать о тех событиях Белую Книгу памяти, может, чтобы не беречь душевные раны или, опять же, из страха, который не так просто изжить. И ещё порой кажется, что этот страх продолжает витать над Россией, жить в наших душах. Но люди, облеченные властью, порой не понимают, что история запечатлевает события, и роль каждого, к ним причастного, будет определена впоследствии с математической точностью.

Страницы наших местных газет тех лет изобилуют резкими заголовками и не менее мрачным содержанием статей

и заметок. В обзоре писем в январе 1938 года корреспондент отмечает: «Искусственное создание очередей – это излюбленный метод врагов и их агентов в торговле. Но этот метод – далеко не единственный. Немалое место в магазинах нашей области занимает так называемая торговля по “блату”».

«В валдгеймском сельмаге, – как сообщает т. Валдгеймский, – товар разложен в два этажа. На верхнем этаже, на полках, лежит обычно малоходовой товар. На нижнем этаже, под прилавком, припрятан товар для “своих” людей. Ковры, кожаная обувь, одеяла, патефонные пластинки и иголки и т. п. – это достается только тому, кто приглянулся продавщице Безносовой, в прошлом – частной торговке.

Позволительно спросить у работников облвнторга (зав. т. Леви): почему они, прекрасно зная о всех этих фактах, не принимают никаких мер для ликвидации всех этих безобразий, последствий вредительства в торговле, для установления советской культурной торговли?».

Врагов ищут и находят, как говорят, на ровном месте. И неважно, в чем ты провинился, что лежит в основе «преступления». «Отсутствие у Вас судимости – это не Ваша заслуга. Это наша недоработка» – этот девиз родился как раз в тридцатых годах.

«Больше внимания сеvu овощей и картофеля» – так назывался небольшой информационный материал в газете «Биробиджанская звезда» за 1938 год. Совершенно случайно пробежав её глазами, не поверил, что название так может расходиться с содержанием материала: «Враги народа, троцкистско-бухаринские агенты японо-германского фашизма, которые орудовали в земельных органах края и области, нанесли много вреда посеву овощных культур. Плохо обрабатывали землю, плохо убирали урожай, не доставляли овощных продуктов городскому населению. Враги умышленно планировали ввоз в край картофеля из западных районов страны для того, чтобы перегружать железную дорогу страны».

Как умело превратили проблему в факт вредительства!

«Для ликвидации последствий вредительства и обеспечения населения овощами нужно в первую очередь хорошо подготовиться к сеvu овощей и картофеля, значительно расширить посев

этих культур, но, к сожалению, как раз в этом отношении работа очень слабо развернута. План засыпки семян картофеля выполнен всего лишь на 31 процент. Нет ни одного района в области, который полностью выполнил план засыпки семян картофеля. Во многих местах семена плохо хранятся».

Можно не сомневаться, что этих вредителей нашли и «воздали» каждому по заслугам. Тогда все было просто. Материалы газеты за тот год были больше нацелены на выискивание «врагов» в сфере производства, бытовых услуг, торговли или международной жизни, и все подавалось под одним соусом – борьбы с вредителями, шпионами, троцкистами-зиновьевцами и т. д.

И в том же году – газетное сообщение «О ликвидации театра им. Вс. Мейерхольда», в котором с революционной прямотой приводятся факты, за что и почему он должен быть ликвидирован: «Это выразилось в том, что:

1. Театр им. Мейерхольда в течение всего своего существования не смог освободиться от чуждых советскому искусству, насильственно буржуазных, формалистических позиций. В результате этого, в угоду левацкому трюкачеству и формалистическим вывертам, даже классические произведения русской драматургии давались в театре в искаженном, антихудожественном виде, с извращением их идейной сущности («Ревизор», «Горе от ума», «Смерть Тарелкина» и др.)».

И далее в том же духе. А за перечнем «антисоветских» прегрешений театра следует постановляющая часть решения комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР: «...Ликвидировать театр им. Мейерхольда как чуждый советскому искусству».

1937–1938 годы вошли в историю страны как период страшных потрясений в обществе. Десятилетний юбилей освоения земель и четвертая годовщина образования Еврейской автономии, которые предполагалось отметить великим народным празднованием, «с пролетарским размахом», должны были смягчить напряженность и создать деловой настрой для дальнейшего развития ЕАО, её экономики и культуры.

«Четыре года и десять лет» – под таким лозунгом весной 1938 года проходили торжества, посвященные достижениям первых переселенцев в освоении дальневосточной земли и образовании Еврейской автономной области. Почему-то мы перестали отмечать год приезда первых переселенцев. В лучшем случае появится где-нибудь в уголке газеты заметка об этом событии, а то и этого не увидишь.

Хорошие традиции постепенно забываются, становятся чем-то обременительным. Вот так, год за годом, стирается память, и последние из первых умирают, унося с собой самое дорогое, что бы они могли оставить в наследство следующим поколениям, – историю своей жизни, так как большего богатства за те годы они не нажили. Мы почти не знаем имен и вклада многих ранее известных руководителей области, организаторов производства, стахановцев тех лет, имена которых знал в те годы, наверное, каждый житель.

Писатели, поэты, артисты, музыканты, певцы, художники, делегации предприятий и организаций с большим интересом приезжали в те годы к нам в гости знакомиться с еврейской областью, с её населением. Такие встречи становились большим праздником для переселенцев, которые могли почувствовать себя не оторванными от культурной жизни, цивилизации и прогресса страны. Творческие командировки превращались затем в книги, картины, стихи, песни о новых традициях и людях еврейской автономии, а вслед за этими визитами поступали нередко и подарки для тружеников Биробиджана.

Только недавно я впервые узнал о художнике Генохе Либермане. В 1929 году он приехал в Биробиджан для подготовки дипломной работы.

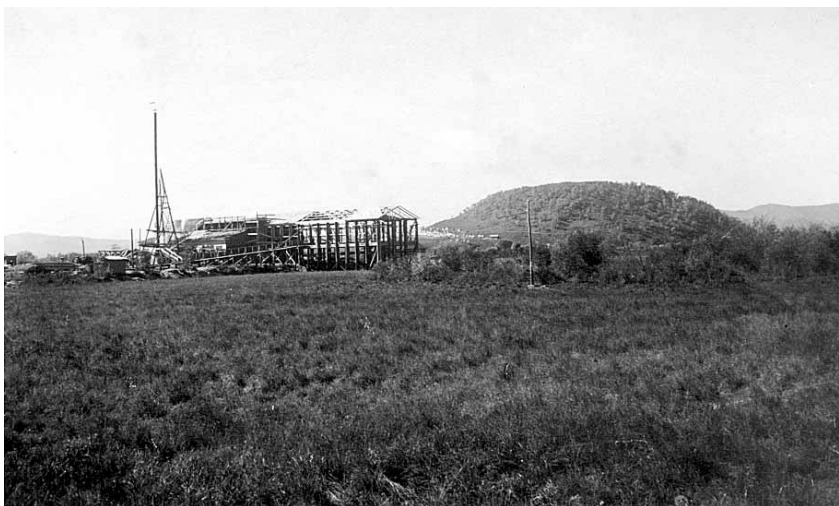
Картина Геноха была представлена на национальной художественной выставке, и молодой художник выиграл первый приз – шесть лет учебы в Московской Академии Искусств. Учеба подходила к концу, и Либерман решил поехать в Биробиджан, который становился новой родиной для евреев. Здесь его пленили первозданной красотой горы Хингана, уникальной природой дальневосточ-

ная тайга. И, конечно, его интересовали люди, приехавшие из Европейской части России, их жизнь и быт. Почти год он жил в Биробиджане, создавая в рисунках хронику жизни, писал портреты, пейзажи. Его картины, к сожалению, неизвестны биробиджанцам.

Первые дома Биробиджана

В тот юбилейный год в нескольких апрельских номерах газеты «Биробиджанская звезда» широко освещались итоги становления автономии за отчетный период. В разделе «Государственная промышленность Еврейской автономной области» говорилось, в частности: «План широкого строительства государственной промышленности в области был намечен в упомянутом постановлении Совнаркома СССР от 1 октября 1934 года. Но далеко не весь план выполнен. Враги народа, троцкистско-бухаринские шпионы, диверсанты и вредители, долгое время орудовавшие в руководстве области и на различных строительных объектах, нанесли много вреда строительству государственной промышленности, тормозили строительство и пуск новых предприятий. Несмотря на это, область к 10-летию Биробиджана приходит со значительной сетью государственной промышленности.

Возводятся новые предприятия

Пущена первая очередь швейной фабрики в гор. Биробиджане.

Пущена первая очередь и заканчивается строительством вторая очередь известкового завода в Лондоко.

Пущена первая очередь обозного завода в Биробиджане.

Работает лесозавод Наркомлеса в Николаевке.

Заканчивается главный корпус ремонтно-механического завода. Значительно выросла золотодобыча в области.

Подготовлены площадки и проектные материалы для строительства обувной фабрики, трикотажной фабрики и механизированного кирпичного завода.

За три года, прошедшие после постановления Совнаркома, в строительство области вложено 38 миллионов 700 тысяч рублей.

Число рабочих в государственной промышленности, не считая лесного хозяйства, составляет около 4 тысяч человек».

Проблемы слабого развития артелей свели к известной теме: «В области промысловой кооперации наши успехи были бы гораздо больше, если бы не подлая деятельность врагов народа, пытавшихся задержать рост промысловой кооперации, освоение

различных сортов местного сырья, которое мы имеем в области, закрепление переселенцев-кустарей в области».

Промысловая кооперация, подчеркивается в газете, имеет неограниченные местные ресурсы для своего развития: лес твердых и мягких пород, глина, известь, мрамор, богатая волокном дальневосточная осока, кедровый орех, дикорастущие ягоды, виноград.

(В 1932 году экспедиция института им. И.В. Мичурина изучила в области 15 участков вдоль железной дороги и Амура, установив, что с данных участков возможно ежегодно снимать до 100 тысяч тонн ягод – клюквы, брусники, голубики, дикого винограда, кишмиша, лимонника, смородины, дикой малины и т. д. Экспедиция определила, что естественные ягодники распространяются иногда на тысячи гектаров, а средняя урожайность достигает для голубики 1300 кг, дикого винограда – 1000 кг с одного гектара и т. д. В 1948 году Облученский райпромкомбинат приступил к строительству и оборудованию в поселке Биракан предприятия по выработке вина из дикорастущих ягод. Сырьё для завода должны были поставлять сельпо и другие организации, ведущие в районе заготовку дикоросов).

В 1928 году на территории Биро-Биджанского района было всего две больницы на 25 коек с двумя врачами и четырьмя фельдшерами. В 1938 году в области было 17 больниц и 32 фельдшерско-акушерских пункта, две бактериологические лаборатории, два рентгеновских кабинета, два кабинета физиотерапии, два зубо врачебных кабинета. Было открыто 8 родильных домов в колхозах и 7 в рабочих поселках, 4 детских консультации с молочными кухнями. Медицинские кадры состояли из 57 врачей и 143 работников среднего медперсонала.

Если в первый год переселения в районе было всего 4 семилетки и 49 начальных школ, то в 1937–1938 учебном году было уже 67 начальных школ, 32 неполные средние школы и 13 средних школ с общим количеством детей 15834. В том числе в области было 12 еврейских школ и 12 еврейских классов в общих школах. С приездом переселенцев в

1931 году было открыто два еврейских детских сада с 95 детьми и один русский детский сад с 45 детьми. А в 1937 году область уже имела 50 детских садов.

Под заголовком «На пути к превращению Биробиджана в центр советской еврейской культуры» в газете были обозначены цели и задачи этой работы: «...Ленинско-сталинская национальная политика обеспечивает чудесный расцвет культуры всех национальностей, широкое развитие образования на родном языке трудящихся».

Еврейский Гостеатр им. Л.М. Кагановича

Уже четвертый год работал еврейский гостеатр им. Л.М. Кагановича, которым руководил заслуженный артист республики М.И. Гольдблат.

(Моисей Исаакович Гольдблат (1896–1974) – режиссер и актер. Подростком играл в еврейской бродячей труппе, затем в 1918 году попал в еврейский передвижной театр. В 1924 году окончил студию ГОСЕТа (Государственный еврейский театр), где работал актером и преподавателем студии до 1937 года. Был

одним из создателей цыганского театра «Ромэн», которым руководил с 1931 по 1936 годы. В 1935 году ему было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР. С 1937 по 1940 годы был художественным руководителем Биробиджанского еврейского театра, затем возглавил Киевский еврейский театр. В годы войны получил звание народного артиста Казахской ССР (1943), заслуженного деятеля искусств УССР (1945). В 1972 году выехал в Израиль).

В область приехала большая группа писателей и поэтов. Работали музыкальная и балетная школы, около двадцати кружков художественной самодеятельности, издавались две областные газеты на еврейском и русском языках, районные газеты, журнал «Форпост».

В те годы, как само собой разумеющееся, решались проблемы с обучением на родном языке. Занятия на идиш были организованы в ряде школ, техникумов, училищ. «Вести агитацию на родном языке населения» – так озаглавлена заметка, в которой читаем: «Плохо обстоит дело с изучением Конституции РСФСР и Положения о выборах с переселенцами-евреями. На ст. Облучье имеется большое число еврейского населения, которое хочет заниматься на родном языке. В одной артели «Новая Заря» работают 50 евреев-переселенцев. Но еврейские трудящиеся большей частью не охвачены учебой. Политотдел отделения должен привлечь к этой ответственной работе агитаторов, знающих еврейский язык».

Гостям области было что показать. Этому юбилею был придан поистине всесоюзный масштаб. В Биробиджан приехали делегации из союзных республик, известные деятели культуры, представители передовых предприятий страны. Были получены сотни приветствий как от государственных, так и от различных общественных организаций, трудовых коллективов, известных деятелей культуры, искусства, науки и простых людей нашей страны и зарубежья.

Здание Облисполкома. 1938 год

Старый фонтан

Поступили приветствия от московского, ивановского, украинского, харьковского ОЗЕТа, от ОЗЕТа Татарии, от коллектива московской фабрики «Гознак», от отдыхающих в Ялтинском санатории им. XVII партсъезда, от заслуженного артиста СССР И.П. Шейнина, от Калининдорфского национального района (Украина), от народного артиста РСФСР С. Михоэлса, от заслуженного деятеля искусств композитора Л. Пульвера и многих других известных людей и трудовых коллективов.

Неподдельной искренностью и материнской любовью было пронизано поздравление народной артистки СССР М.М. Блюменталь-Тамариной (актрисы, сыгравшей роль Двойры в фильме «Искатели счастья»): «Очень приятно мне, старой актрисе, приветствовать советский еврейский народ в связи с нашим общим праздником – десятилетием Биробиджана. 10 лет Биробиджана – это 10 лет суровой, но победоносной борьбы с тайгой, непроходимыми болотами, гнусом. 10 лет Биробиджана – это обновление старого народа, его буйный расцвет. 10 лет стройки Биробиджана – это цветущие поля, вспаханные руками евреев-переселенцев, это новые фабрики и заводы, где местечковая беднота приобретает новую квалификацию. Как печальна была жизнь еврейского народа в царской России. Вдвойне печальна была жизнь еврейской матери. Это была жизнь, сотканная из слез. Перефразировав слова Двойры из фильма «Искатели счастья», хочется сказать: могли ли мы думать, что наступит такая великолепная счастливая жизнь! Искренно, от всей души желаю строителям Еврейской автономной области великих успехов в исторической работе».

В январе 1938 года в Биробиджане впервые были организованы гастроли Железнодорожного ансамбля песни и пляски и джаз-оркестра Центрального дома железнодорожников, с которыми приехали художественный руководитель, народный артист СССР, орденоносец профессор Александров и руководитель джаз-оркестра Л. Утесов. (Я нигде не встречал такого названия ансамбля А. Александрова, но так было на-

писано в нашей местной газете. – И.Б.) В зале государственного театра им. Л.М. Кагановича биробиджанцы на «бис» встречали широко известные в то время коллективы артистов, которые составляли почти двести человек.

Станция Биробиджан. Фото конца 30-х годов. Надпись на идиш ещё не определилась – в русской транскрипции «Бирэбиджан»

В здании станции слева буфет. Вывеска сделана на русском и идиш. На здании вокзала прикреплен лозунг: «Культурно принять и обслужить приезжающих 4000 переселенцев – почетная задача станции “Биробиджан”». Под ним – расписание движения поездов: 4 поезда на Запад и 4 на Восток. С правой стороны здания на столбе прикреплен станционный колокол. В домике слева от вокзала можно было получить кипяток, табличка с такой надписью висит на этом здании. На платформе под лампой портреты Сталина и Ленина.

В тот год евреи еще ехали на Восток. Очередной эшелон – несколько сот человек – приближался к Биробиджану. В средней школе № 2, пока у школьников были каникулы, готовились принять переселенцев, был составлен график их

распределения по дальнейшим местам назначения, работы, проживания.

1938 год был ещё и своеобразным итогом выполнения поставленных партией задач по строительству экономики, культуры, социальной сферы. Празднований юбилейных дат ЕАО с таким размахом больше не было, так как последующие события в предвоенные годы и после войны складывались далеко не в пользу развития Биробиджана. Эти годы – напоминание нам о печальных и трагических событиях, о безвинных жертвах произвола власти.

Нашим первостроителям, прошедшим через все невзгоды, выжившим и оставшимся на этой земле, надо было уже тогда соорудить памятник. Их героизм сродни героизму молодежи из книги Н. Островского «Как закалялась сталь». Жаль, что мы не знаем имен всех наших первопроходцев, которые, без сомнения, заслуживают самой доброй памяти.

В судьбах переселенцев много общего. Не исключение и мои родные, принявшие с первого дня самое непосредственное участие в строительстве Биробиджана.

ДОРОГА В БИРО-БИДЖАН

Весна на Украине начинается намного раньше, чем на Дальнем Востоке. Но 1928 год не сулил ничего хорошего. В Житомире, как и в других городах, были безработица и голод. Отделение ОЗЕТа вот уже несколько месяцев активно вело среди населения агитацию за переселение в Биро-Биджан. Выбирать особо было не из чего. Рувин с Фейгой приняли решение поехать по набору переселенцев в Биро-Биджанский район, посмотреть, можно ли там жить и работать.

Как глава семейства, Рувин сказал, что поедет один. Зачем мучить семью, детей такой дальней дорогой? Неизвестно, что ждет там, где придется жить, работать. Вместе с такими же желающими найти счастье и прошедшими отбор они двинулись в дальний путь. Рувин не боялся труднос-

тей. С малолетства он был приучен к работе и повидал к тому времени в жизни и плохое, и хорошее. По приезде в Тихонькую они образовали артель «Форойс», что в переводе с идиш означает «Вперед».

Читая истории из жизни первых переселенцев, можно только догадываться, что им пришлось пережить, через какие трудности пройти. Менее чем через год работы многим уже стало ясно, что жизнь в этих краях – не мед.

Каждый из них съел свой пуд соли, и многие, проклиная все на свете, вернулись в свои голодные разрушенные местечки, вспоминая, как кошмарный сон, болота, комаров, проливные дожди, лютые зимы.

За сухими строчками обращений Рувина к уполномоченным ОЗЕта, сохранившихся в областном архиве, ощущаешь горечь и страдания, выпавшие на его долю.

В стиле и даже орфографии писем, приведенных ниже без изменений, есть и уверенность, и надежда, и желание работать, несмотря на все невзгоды. А их было, как говорят, «выше крыши».

Уполномоченным Озета
т.т. Робинсону и Финкельштейну.
от переселенца
Бренера Рувина Иосифовича.
Заявление

В августе п/г (прошлого года. – И.Б.), коллектив «Форойс», в котором я состоял как член такового, расформировался, так как все за исключением меня уехали на родину – я же не взирая на пережитые все трудности решился бороться со стихией и бедствием, лишь бы устроиться. Из полученных коллективом в «Озете» 4-х лошадей и одной телеги, 3-и лошади были возвращены «Озету», а одну не имели возможности вернуть в связи с тем, что таковая убрела в тайгу и поиски таковой не давали никаких положительные результаты.

В ноябре м с/г (месяце сего года. – И.Б.) с/коня (сего. – И.Б.) старший конюх «Озета» будучи в тайге в поисках лошадей, нашел п/коня (пропавшего. – И.Б.), которого и доставил мне в Ти-

хонькую. С момента исчезновения коня и до возвращения, конь очень истоичал и не взирая на все принятые с моей стороны всяких мер, дабы коня поправить, таковой к великому моему сожалению на 6-ые сутки после возвращения погиб. Акт, о гибели такового был составлен и заверен сельсоветом с. Тихонькой, после чего сей акт был мною отправлен в г. Хабаровск отд. «Озета» дабы изходатайствовать страховую премию в госстрахе.

Оставшись один после расформировки коллектива, я решил устроиться по своей квалификации, и на моё заявление тов. Робинсону о принятии мер к созданию мастерской и приобретении сырья для моего производства, им было заверено, что я получу ссуду в размере одной тысячи пятисот рублей, для устройства кожевенного производства, но Вами тов. Финкельштейн была заверена только одна тысяча рублей. Но Вами было мне поставлено в условии, что сумма в размере трехсот рублей, каковые необходимы были на оборудование мастерской, должны быть вложены мною и не взирая на все бедствия мои я приложил максимум усилия и оборудовал мастерскую из своих собственных средств. Из обещанных Вами денег, я получил только 675 рублей, которые конечно не дали мне возможности работать планомерно, часто за неимением средств оставаться без сырья.

За все время моей работы по изготовлению из сырья полуфабриката – таковой целиком был сдан Тихоньковскому Потребителскому О-ву и артели «Свой труд»

Находясь здесь, я с одной стороны без семьи переживаю большие лишения, а семья также там, а по с/мною (сему. – И.Б.) было решено семью привезти сюда в апреле м/с/г, и до ихнего приезда выстроить себе дом.

По составленной смете по постройке дома – сумма выражается в размере одной тысячи двести рублей, из коих я считал 600 рублей получить из переселенческого кредита на 15 лет, а остальные 600 рублей постепенно вкладывать из моих заработков, урезывая до минимума как свои так и семьи расходы. (Из сводки о полученных переселенцами-евреями по нарядам 1928 года кредитах из Тихоньковского сельскохозяйственного кре-

дитного товарищества следует, что Рувин получил 830 рублей 93 копейки. – И.Б.)

Двести рублей мною уже вложены в постройку с/дома. 15 с/м мною было подано заявление зав. Переселенческим пунктом тов. Бейнфесту, о выдаче мне ссуды для постройки дома. Тов. Бейнфест наложил резолюцию нижеследующую: никакие ссуды не могут быть выданы мне, до окончания моих расчетов с «Озетом». Меня сия резолюция очень ошеломила, так как я знаю, что меньше всего я должен «Озету». Не оставляя сей больной вопрос в долгий ящик, я начал наводить справки и узнал, что по распоряжению тов. Крейсберга, на мой лицевой счет в «Озете» записан долг в размере 400 рублей, из коих 250 руб. лошадь которая околела в п/г и одна телега. Сию сумму в 400 рублей, я прошу с моего счета списать, так как лошадь погибла не по моей вине и если даже «Озету» не удалось получить страховую премию, то вполне ясно, что я не должен ответить за весь коллектив, который состоял из 8 человек, телегу же прошу у меня принять, каковая совершенно мне не нужна для моего производства.

В данный момент у меня создалось совершенно безвыходное положение, мне необходимо уплатить плотникам 200 рублей, и если я в ближайшие дни не рассчитаюсь с ними то у меня исход один – удрать из поселка.

В связи с вышеизложенным я еще раз прошу сумму в 400 рублей списать с меня и распорядиться о выдаче мне 800 рублей, из коих 600 руб. мне необходимо для постройки и 200 рублей для покупки коровы, без коей в связи с продовольственным кризисом невозможно обойтись.

Я считаю, что мои просьбы будут удовлетворены, что и даст мне возможности привезти мою семью, которая очень бедствует и страдает вдали от меня.

с. Тихонькая.

Бренер

27/11. 1929 года»

Эта документальная историческая весточка о событиях первого года освоения Биро-Биджанского района приоткрывает лишь маленькую часть тех больших проблем, кото-

рые вставали перед первыми переселенцами, оставшимися и верившими в возможность обустройства на этой земле. 8 – 7 = Рувин – таков итог переселения коллектива «Форойс».

Обращение Рувина, как последняя надежда на справедливое решение его насущных жизненных проблем, не осталось без внимания со стороны руководства «Озета». Ему, по всей видимости, были выделены необходимые деньги, так как в том же году в ведомости переселенцев, живущих на участке Тихонькой, значился переселенец Бренер Р.И., а в примечании указывалось, что имеет он «дом, огород, корову, выделяет кожу, товар удовлетворительный». В разделе «Кустари» Рувин значился кожевником, состав семьи – 5 человек. А это означало, что он таки привез из Украины семью, и все вместе они начали строить новую жизнь. Фейга занималась маленькими детьми, старшему из которых исполнилось семь лет, а младшему – всего четыре года. Рувин же прилагал максимум усилий, чтобы организовать сбор и переработку кожсырья.

В госархиве сохранилось ещё одно письмо Рувина, адресованное в Правление «Озета» г. Хабаровска с просьбой о поставках дубильного экстракта при содействии Харбинского отделения «Озета». Так как письмо осталось в нашем архиве, то, по всей вероятности, не дошло до адресата. Уже в те годы Рувин знал о больших возможностях Харбинской еврейской общины. Мы же только несколько лет назад познакомились с историей евреев в Харбине, уходящей своими корнями в конец XIX столетия.

Но открыть свое дело в те годы было непросто, и Рувин вынужден был устроиться на работу агентом пункта по заготовке кожсырья, как свидетельствует удостоверение, выданное Дальневосточным краевым отделением кожевенной промышленности. Печать на этом документе подтверждает, что отделение было открыто в пункте Тихоньковском.

Но больше всего я был поражен тем, что там было написано: «...для проведения работы: подворной сборке сырья, коллек-

тивной сдаче при помощи троек и сельского актива» (подчеркнуто мной. – И.Б.).

Сталинское руководство, начиная со второй половины 1920-х годов, стремилось взвалить ответственность за экономические трудности на «классовых врагов», «саботажников», «вредителей», старых буржуазных специалистов. На волне кризиса хлебозаготовок в конце 20-х годов был принят курс на ликвидацию НЭПа, насильственное изъятие хлеба в деревне.

Постановление ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 года санкционировало репрессии. Тройки в ПП ОГПУ (Полномочное Представительство Объединенного Государственного Политического Управления) предлагали создать немедленно. Состав тройки утверждался на Коллегии ОГПУ. 4 февраля 1930 года ЦИК СССР предоставил ОГПУ право на время проведения операции по ликвидации кулачества передоверить свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел ПП ОГПУ краев и областей с участием представителей крайисполкомов (облисполкомов) и прокуратуры. В состав троек включались представители крайкомов (обкомов) ВКП (б).

10 июля 1934 года постановлением ЦИК СССР органы государственной безопасности вошли в Народный комиссариат внутренних дел, который возглавил Г.Г. Ягода. Были упразднены судебная коллегия и тройки. Право на внесудебные репрессии было сохранено только за Особым совещанием при НКВД СССР. Но апробированные формы и методы их деятельности, напоминавшие о всемогуществе и беззаконии власти, ещё долго использовались этими органами и в 1937-м, и во времена борьбы с космополитизмом, и во многих других случаях в советской истории.

Это был действительно орган беспредельной власти на местах. Шкуры они готовы были содрать не только с коров. Получается, что любая организация могла использовать этот орган в своих целях. Так, в другом командировочном удостоверении Рувину предоставлялись и другие полномо-

чия, кроме заготовки кожсырья: «...Полное воздействие на нарушителей не законной кадушечной переработки кожсырья и опалке ошпарке свиней, на что предоставляется право составлять акт и передавать прокурору». Подписи визировал и подтверждал Биробиджанский районный исполнительный комитет Дальневосточного края.

Трудно представить, за что с Рувина больше спрашивали по работе – за то, что он не заготовил достаточно сырья, или за то, что не составил протоколы о нарушениях. Моя мама вспоминала о деде как об очень мудром, добром и порядочном человеке. Ещё сложнее представить, как можно было в те годы объехать Биро-Биджанский район, сколько на это надо было потратить времени, сил, учитывая, что не было дорог, а территория была малонаселенной. В нынешний Октябрьский район тогда можно было добраться только по Амуру пароходом из Хабаровска. Других проложенных дорог не было.

В 1934 году Рувин, будучи уже заведующим конторой «Союззаготкож», имея широкие полномочия, предоставленные Дальневосточной краевой конторой, организовывал на территории нашей области сбор и первичную переработку кожевенного сырья, продавал промтовары (в порядке встречной торговли), решал вопросы с государственными органами по строительству в районах пунктов приема и хранения кожсырья. Работы хватало на всех. Область строилась, и рабочих рук не хватало.

Этот год запомнился многим как год образования области. 7 мая 1934 года ЦИК СССР издал постановление о преобразовании Биробиджанского еврейского переселенческого района в Еврейскую автономную область.

Тогда же впервые в Биробиджане началось активное строительство жилья, предприятий, объектов соцкультбыта. Выстроили целую улицу двухэтажных домов по улице Октябрьской. Восстановили сгоревший в 1933 году горсовет, построили театр, еврейскую школу, новое здание педагогического техникума, банк, магазины, ларьки, жилые дома для врачей и артистов. Биробиджан стал похож на город.

Ул. Октябрьская. На крыше здания (справа) установлен громкоговоритель

Ул. Горького. За домами виднеются железнодорожные водонапорные башни, между домами ларек «Пищепром» (надпись сделана на идиш и русском). У тротуара, напротив телеги с белой лошастью, вывеска «Берегись автомобиля» (на идиш и русском)

Наступил 1935 год. Число евреев в области к концу года достигло 14 тысяч человек и составило 23 процента от всего населения. В этот год в Биробиджан прибыло самое большое число переселенцев – 8344 человека, и, к сожалению, на тот же год приходится 4144 человека тех, кто возвратился обратно.

В последующие годы уже не было такого наплыва переселенцев, сказалось сокращение жилищного строительства, но ещё больший отпечаток на всю последующую историю области наложила начавшаяся по всей стране кампания по разоблачению врагов народа. Не обошла она стороной и нашу область.

6 сентября 1936 года газета «Биробиджанская звезда» писала: «Хотя проведена большая работа по очистке организации от чуждого и вражеского элемента, от контрреволюционеров-троцкистов, зиновьевцев, шпионов и жуликов, но все же в отдельных организациях было допущено ослабление бдительности. Не всех врагов удалось разоблачить...».

Несколько дней спустя в этой же газете было опубликовано постановление президиума облисполкома о снятии И.И. Либерберга с должности председателя облисполкома.

(Иосиф Либерберг, член партии с 1919 года, бывший директор Института еврейской культуры при АН Украины, член-корреспондент этой академии, арестован в Москве в августе 1936 года и в марте 1937-го расстрелян как враг народа, немецкий и японский шпион. Так трагически, дико и страшно закончилась яркая жизнь первого председателя облисполкома первой еврейской области.)

С каждым днем список врагов народа, шпионов, троцкистов и прочих вредителей разрастался. Жертвами репрессий стали 7500 человек – как руководители области, предприятий, артелей, так и простые труженики, многие из которых были расстреляны или сосланы на долгие годы в лагерь, о чем подробно рассказал Д. Вайсерман в своих книгах «Как это было» и «Биробиджан: мечты и трагедии».

Рувин, по всей видимости, не стал испытывать судьбу и принял решение об отъезде. Бабушка с неохотой вспоминала о событиях тех лет. Видимо, скорый отъезд в 1937 году, продажа дома и имущества, возвращение на Украину, чтобы сохранить жизнь и семью, вызывали у неё очень тяжёлые воспоминания.

СУДЬБЫ С ПЕЧАТЬЮ ВОЙНЫ

С работой у деда проблем не было – хороший специалист в те годы всегда мог найти себе применение. Рувин устраивается заведующим складом на Черняховском РЗК «Союзаготкож», что находился в местечке Черняхов Киевской области. В доме росли три сына, в семье был достаток. Бабушка была из богатой семьи, и родители хорошо им помогали. Может быть, так и жили бы они спокойно и счастливо, но началась Великая Отечественная война.

Многие еврейские семьи, проживавшие до войны в Молдавии, Украине и Белоруссии, вынуждены были оттуда бежать, чтобы не попасть под оккупацию. А те, кто остался или не успел уехать, стали жертвами Холокоста, вошедшего в историю как одна из самых трагических страниц в жизни человечества.

У людей военного поколения было много общего в судьбе. Семейные трагедии искалечили жизни миллионов родных и близких, и ещё миллионы, как потухшие искры, навсегда угасли, ушли в небытие из нашей памяти.

Вычеркнуто из жизни сразу несколько поколений, проживавших во многих странах Европы и России. Остались лишь записи в регистрационных книгах, сделанные с немецкой педантичностью, – миллионы имен и фамилий – и прах Бухенвальда, Освенцима, Трешлинка и десятков других лагерей смерти. А в нейтральной Швейцарии, за стальными дверями банков – счета клиентов, которые уже никогда не придут снять или положить деньги, получить проценты по вкладам, и некому перевести это

наследство, которое во много раз уже превысило первоначальный капитал.

Мне очень жаль, что в России, испытавшей на себе всю тяжесть этой войны, ставшей в ней страной-победителем ценою жизни почти тридцати миллионов соотечественников, нет традиции свято помнить и чтить имена всех защитников Отечества, наших сограждан, как происходит это в других странах. В музее Яд ва-Шем в Израиле в День памяти называются имена и фамилии каждого из шести миллионов евреев – жертв Холокоста. В новом музее Холокоста в Иерусалиме есть архивный отдел, который по сей день ведет поиск погибших, пропавших без вести в той страшной войне. Архивы сохраняются, накапливаются, и этой работе, кажется, не будет конца.

Неужели этого недостойны наши герои, отдавшие свои жизни ради Великой Победы? Неужели у нас нет возможности в каждом населенном пункте России в День Победы зачитать имена солдат, не вернувшихся с войны, без вести пропавших, людей, умерших от голода в блокадном Ленинграде? Пока живы их дети и внуки, хотя бы в память о них должны быть записаны и произнесены все имена.

Судьба моих родных, как и многих других, несла на себе печать войны. Семья деда, оставив весь домашний скарб и

И.Р. Бренер. 1941 год

взяв с собой лишь самое необходимое, заколотив досками окна и двери дома, поехала на Урал в Челябинскую область. Поселились в городе Аргаяшске, где жили, перебиваясь случайными заработками, – таких беженцев там было много.

Старший брат отца, Иосиф, был призван в армию за восемь месяцев до начала войны. Окончил курсы танкистов. Его часть стояла на

границе под городом Белостоком и первой приняла на себя мощный танковый удар армии фельдмаршала Гудериана на этом западном направлении. Наши воинские части под Белостоком фактически сразу в первые недели боёв были окружены и разбиты наступающими немецкими войсками. Это были первые тяжелые потери для наших войск.

Родители, не получая писем с фронта, стали делать запросы в воинскую часть, военкомат. Ответ пришел не скоро: пропал без вести. Такие письма-треуголки с военным штемпелем «Бесплатно» получили десятки тысяч семей, но лишь единицы спустя годы смогли узнать истинные судьбы без вести пропавших защитников Отечества.

Еще долго после войны Фейга писала запросы и питала надежду, ждала, что, может, сын попал в плен и вернётся домой – пусть инвалидом, но живой. Уже потом ей объяснили, что в те первые дни боев на границе немцы в плен никого не брали. Солдаты стояли насмерть, не имея приказа отступать. И они с честью выполнили свой долг, отдав свою жизнь за Родину, во имя будущей Великой Победы.

В феврале 1942 года деда приняли заведующим складом на завод, выпускавший танки. Рабочие завода получали продовольственные карточки, что по тем временам многое значило. В марте того же года второй сын Рувина – Семен, мой будущий отец, в девятнадцать лет ушел на фронт и сразу попал на передовую под Москвой. Он служил в пехоте автоматчиком и в ожесто-

*Рувин Бренер. Челябинск,
1945 год*

ченных боях в сентябре под городом Великие Луки получил тяжелое ранение в голову и контузию.

Только через несколько месяцев, после сложнейших операций, он написал письмо домой, что жив и находится на лечении. Приехал же к родителям, в Челябинск, спустя четыре месяца после ранения без одного глаза, а во втором, как определили врачи, осталось 0,3 процента зрения. Ему дали вторую группу инвалидности. Ранение постоянно давало о себе знать головными болями, повышенным давлением и привело в конце концов к полной потере зрения. Отец рано ушел из жизни. К самой дорогой солдатской медали «За отвагу» на его военном кителе прибавилась и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». И уже здесь, в Биробиджане, на мебельной фабрике, в мирное время ему была вручена одна из самых высоких наград для рабочего человека – орден Трудового Красного Знамени.

Его младший брат Михаил прожил не намного дольше. Будучи инженером-механиком, он готовил к боевым вылетам самолеты. Для людей этой профессии не существовало дня и ночи. Слава Б-гу, его самолеты всегда возвращались на аэродром. Как истинно военный человек, в годы войны он изменил дату своего рождения, сделав её, как и у моего отца, 23 февраля. После войны остался на военной службе, переехав в Латвию. Наставлял курсантов в Даугавпилском высшем авиационном радиотехническом училище. Михаил тяжело пережил развал Советского Союза. Антисоветские выступления в Латвии, особенно против военнослужащих-пенсионеров, привели к тому, что за бесценок пришлось продать квартиру, мебель, хороший загородный дом и переехать с детьми в Иркутск. Все это вместе: и война, и развал Советского Союза – сбили ритм работы его сердца, которое остановилось так рано. Ничто не проходит бесследно в нашей жизни, и человеческое сердце – не вечный двигатель...

Наше поколение знает о войне по рассказам родителей. Нам можно было не читать книжек: мы слышали о голоде, страданиях, сражениях из первых уст, от родителей-фрон-

товиков, когда они собирались за столом помянуть погибших и выпить чарку-другую за победу. Разговоры о хлебных карточках, муке, сахаре, крупах, выдававшихся по талонам, плавно переходили к событиям прошедшей войны.

Хоть и давно уже отгремели победные салюты, но в пятидесятые годы в дни маёвок, которые проводились в Биробиджане за городом у реки, часто можно было увидеть людей в военной форме. Выезжали работники предприятий вместе с семьями. Часам к одиннадцати проводился короткий городской митинг, а затем играл оркестр, пели песни, танцевали. Работали торговые точки, гуляли коллективами предприятий, организаций, семьями – варили уху и просто отдыхали, распевая фронтовые песни.

Широко отмечали тогда День Победы на наших площадях, улицах и в скверах. Бывшие фронтовики, в выцветших пилотках и гимнастерках с петлицами разных родов войск, звеневшие сверкающими на солнце орденами и медалями, с надраенными пуговицами, перетянутые португеей или подпоясанные ремнем с начищенной до золотого блеска бляхой, в скрипящих при ходьбе сапогах, чувствовали себя настоящими победителями. На них с уважением смотрели прохожие, внимательно вглядываясь в сияющие ордена и медали и, конечно, в их лица, навсегда отмеченные печатью войны.

Немало солдат было покалечено в сражениях – кто на деревянных костылях, подбитых куском резины, кто без руки, с заправленным за ремень рукавом, многие в шрамах от пуль и осколков снарядов, грубо зашитых в госпиталях ран. После митингов они собирались обычно в парке или в сквере, напротив кинотеатра, у пивных ларьков, распевая «Катюшу», а часто и грустные фронтовые песни:

«Темная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают.
В темную ночь ты, любимая, знаю, не спишь,
И у детской кровати тайком ты слезу утираешь...».

Нет на моей памяти ни одного вечера, на котором не присутствовали бы папины друзья, прошедшие войну, и старинный патефон, стоявший у нас на комод в центре комнаты, не проигрывал бы каждый раз эту песню в исполнении Марка Бернеса. Когда наступал черед грустных песен, бабушка брала платок и, вытирая влажные глаза, уходила в свою маленькую комнатку, закрыв за собой дверь.

...Возвратившись сразу после войны на Украину, Рувин и Фейга застали там разрушенные предприятия и дома. Работы не было, царили голод и нищета. Дом, где они раньше жили, уцелел, но его уже занял капитан с семьей, которому так же, как и многим другим, негде было жить.

Сняли временное жилье – и начались хождения в управу, которые ни к чему не привели. Все в управе понимали, что сами дали разрешение заселиться фронтовику, но вот выселить его ни у кого не поднималась рука. А другого подходящего жилья в городе в то время не было, да и работы тоже. Вот тогда-то и принято было решение ехать опять на Дальний Восток, в Биробиджан. Это был 1946 год.

По приезду в Биробиджан они купили одну из квартир в доме, построенном кем-то ещё в 1938 году на три семьи, который располагался между улицами Калинина и Ленина. Как явствует из подписанного дедом договора, это была часть рубленного из бревен дома на деревянных лежах, оштукатуренного с двух сторон, крытого дранкой, размером 4,35 на 5,65 метра, состоящая из двух комнат. К дому были пристроены сарай из теса и общая уборная. Заплатил Рувин по тем временам немалые деньги – три тысячи пятьсот рублей наличными. К жилищу прилегал небольшой огород, где они рассчитывали посадить немного овощей, картошки, разную огородную мелочь.

Рувина приняли заведующим складом на Биробиджанскую обувную фабрику, где он проработал полтора года, и в той же должности перешел на фабрику «Ширпотреб».

Наверное, так было записано в их Книге Жизни: вернуться в Биробиджан, чтобы начать все заново. Это был уже другой город.

Биробиджан, не слышавший грохота снарядов и канонады артиллерийских пушек и «катюш», медленно приходил в себя после войны. Здесь, как и по всей стране в те годы, шла напряженная работа во имя Великой Победы. Просматривая материалы газеты «Биробиджанская звезда» за 1947–1949 годы, чувствуешь, что страна ещё не оправилась от войны. Только в конце 1947 года отменена карточная система. Экономика, культура области, да и люди вздохнули от тяжести сороковых годов. Скромно отметили в 1948 году начало создания нашей автономии. Газетные полосы уже больше заняты материалами центральной прессы. Изредка появляются интересные заметки об ожидании прибытия в область в 1949 году 600 семей переселенцев, одновременно констатируется, что программа переселенческого строительства за 1948 год провалена, из 22 домов строилось 11, да и те не завершены.

А на другой стороне планеты 17 апреля 1948 года, в шабат, в знаменитом концертном зале Нью-Йорка «Карнеги Холл» состоялся грандиозный концерт, посвященный юбилею – 20-й годовщине Биробиджана, на котором присутствовал Чрезвычайный и полномочный посол СССР в США А. Панюшкин.

Обрадовался и удивился, хотя и ожидал встретить что-либо на эту тему, найдя статью «Вырастим в колхозах арбузы и дыни». Оказывается, в 1948 году на Биробиджанском сортоиспытательном участке провели испытания 7 сортов арбузов и 6 сортов дыни. Три сорта арбузов: Ажиновский, Бирючекутский – 775 и Победитель – 395 – показали лучшие результаты, плоды были весом от 2 до 4 килограммов. Среди дынь зарекомендовали себя «Алтайская» и «Колхозница». На тот год планировалось посадить бахчевые культуры на площади 95 гектаров.

Незаметно прошла и ещё одна дата – 15-летие Еврейской автономной области. В последний раз выступил в майском номере местной газеты первый секретарь обкома ВКП (б) А. Бахмутский. Сталинский трехлетний план поставил перед страной огромные задачи. Но Бахмутский сделал почти невозможное. Он убедил правительство в необходимости дать толчок развитию области. При его непосредственном участии было принято пос-

тановление правительства «О мероприятиях по дальнейшему развитию народного хозяйства и культуры Еврейской автономной области». В этом постановлении были намечены строительство швейной и обувной фабрик, теплоэлектроцентрали в г. Биробиджане, двух мощных тракторных станций, изыскание новых земельных участков для размещения переселенческих колхозов. Запланировано было строительство новых школ, больниц, жилых домов. Предусмотрена помощь трудящимся, желающим переселиться на Дальний Восток, в Еврейскую область.

А между тем уже началась война против своего народа. Две разгромные статьи в газете «Биробиджанская звезда» – «О литературных передачах областного радиокомитета» и «О критике и библиографии в альманахе “Биробиджан”» – поставили вне общества писателей и поэтов области, в числе которых были Б. Миллер, Д. Нистер, Б. Слуцкий, И. Добрушин, Д. Бергельсон, И. Эмиот и другие. Как огромная океанская волна – цунами, сметающая все на своем пути, на интеллигенцию области обрушилась волна борьбы с космополитизмом.

Не прошло и двух месяцев после празднования юбилея области, как на седьмой областной партийной конференции разыгрался трагический спектакль. Все то, что ещё год назад рассматривалось как достижение и движение области вперед, стало предметом критики и обвинений в «буржуазном национализме» руководителей области и города А. Бахмутского, М. Левитина, А. Ярмацкого. К их судьбе мы ещё вернемся.

Область потеряла своё лицо на долгие годы, были похоронены ростки национального самосознания. Как иногда варварски вырубаются самые крепкие деревья и гибнет затем лес, так и в эти годы были уничтожены интеллигенция, культура, без которых немисливо развитие цивилизованного общества. Сколько лучших своих сыновей потеряла Россия в годы сталинских репрессий, Второй мировой войны и борьбы с космополитизмом и буржуазным национализмом! Трудно подсчитать, но знать, из-за чего нас так мало осталось, – долг каждого поколения, чтобы в память об уходящем времени не допустить повторения злобещих событий на следующем витке развития нашей истории.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО

Уже отслужив в армии, я заинтересовался своим генеалогическим древом. Мой дед по отцовской линии, Рувин, родился в 1882 году в местечке Брусилов Житомирской области. В этом Брусилове евреи жили уже в 1622 году. Это было местечко Киевского повета и воеводства в составе Речи Посполитой. С 1793 года м. Брусилов – в составе Российской империи. В одном из первых упоминаний о нем говорится, что в кагале (так называется еврейское общество) числилось в 1765 году 492 еврея, а в самом Брусилове – 343. В 1784 году там проживали 393 еврея в 120 домах.

К тому времени, когда молодой Рувинчик окончил пять классов, численность брусиловского еврейского общества значительно возросла. В 1897 году в местечке Брусилов Радомысльского уезда Киевской губернии насчитывалось 6703 человека, в том числе 3575 евреев.

В те времена получить даже начальное образование считалось вполне достаточным для того, чтобы заявить о себе. Рувин освоил и получил хорошую специальность, работая посадчиком в посадочной мастерской (так назывались раньше кожевенные мастерские).

На пожелтевшей, истлевшей по краям справке, датированной 1919 годом, каллиграфическим почерком владелец мастерской, что была в Киеве по Малой Васильковской, 26, господин Бердичевский, удостоверял, что Рувин работал у него с 1912 по 1915 годы, а затем был переведен в посадочную мастерскую в г. Херсон, где проработал до 1919 года.

В те годы, когда вопрос соблюдения черты оседлости – проживания евреев в строго определенных местах – был под контролем управы, Рувину, как и другим ремесленникам, по закону разрешалось жить в больших городах Российской империи. Царское правительство установило черту оседлости в 1791 году. Евреи не могли селиться за пределами территории современных Украины, Белоруссии, Литвы

и Молдавии. Просуществовала она почти до 1915 года. Для того чтобы выехать за черту оседлости, достаточно было креститься, однако желавших сменить веру было немного. Большинство евреев проживало в «штетлах» (местечках) – так называли поселения и крошечные города.

Основные занятия евреев того времени – ремесло, торговля, мелкое предпринимательство и огородничество. Среди них было много крупных купцов, ростовщиков, подрядчиков.

Осенью 1915 года в России был отменён обязательный для евреев годичный паспорт. Им было разрешено получать бессрочный. В семейном архиве почти в целости сохранился паспорт, выданный «Брусиловской Мещанской Управой предъявителю сего Киевской губернии Радомысльского уезда Брусиловскому Гражданину Рувину Йосл-Дувидов Бренер, уволенному в разные города и селения Российской Империи с 29 августа 1917 года по 29 августа 1918 года», то есть сроком на один год.

Мы много говорили с бабушкой о её мишпохе (семье). Родилась она в 1892 году на Украине в Белой Церкви – давнем центре еврейской культуры. Здесь с 1883 по 1887 годы жил уже тогда ставший известным еврейский писатель Шолом-Алейхем (Шолом Рабинович).

На протяжении нескольких столетий, с 1569 года, Белая Церковь была крупным населенным пунктом Киевского повета и воеводства в составе Речи Посполитой. С 1793 года – это уездный город в составе Российской империи. Как отмечается в разных источниках, евреи появились там приблизительно в то же время, что и в Брусилове. По другим сведениям, евреи появились здесь впервые в 1721 году, и число их быстро возросло. По переписи 1765 года во всем кагале насчитывалось 1876 душ, а в самой Белой Церкви – 1457. Город-крепость подвергался нападению гайдамаков в 1768 году, и тогда, по некоторым данным, в нем осталось всего 223 еврея.

Численность евреев то падала, то возрастала в зависимости от различных жизненных проблем, складывавшихся для

евреев то в худшую, то в лучшую сторону. В 1784 году в самой Белой Церкви уже проживали 930 евреев и на учете состояло 210 домов.

Как в уездном городе, преобразованном впоследствии в местечко, в нем уже были различные сословия. В 1797 году в уезде насчитывалось среди евреев 19 купцов и 1972 мещанина. Общее количество евреев составляло 3961 человек.

Через сто лет, по переписи, проведенной в 1897 году, в Белой Церкви проживало 35378 человек, из них 18720 были евреями. В 1849 году было учреждено казенное училище I разряда. Немного позже, помимо этого училища, были открыты частные – пять мужских и три женских, а также иешива, где изучали Талмуд-Тору.

Преобладающие занятия евреев в те годы – торговля и ремесла. В Белой Церкви имелось несколько хлебных складов, принадлежавших евреям. Чуть ли не в каждом доме была одна или несколько ремесленных мастерских.

В 1904 году там насчитывалось 250 мастерских, в которых работали более 800 человек, в том числе 250 портных и 200 сапожников. Имевшаяся мелкая фабрично-заводская промышленность, а это 20–30 фабрик, почти вся находилась в руках евреев.

Подавляющее большинство ремесленников были евреями, и конкуренция среди них была настолько значительна, что заработная плата рабочего была ниже среднего уровня по Киевской губернии.

В большой семье Либа Белоуса, где родилась Фейга, кроме неё, было ещё шесть детей: сестра и пять братьев. Кто-то из них уехал еще до Октябрьской революции в Америку, кто-то после, а кто и остался в России. Младший брат, Беня, который был на три года моложе Фейги, обосновался в Киеве. Она хорошо помнила, что другие братья жили в разных городах США: Нью-Йорке, Филадельфии, Чикаго. Помнила, что уже после Великой Отечественной войны в последнем письме один из братьев писал о возможности вывезти всю их семью в Америку. Он был военным человеком – ге-

нералом. Подтверждение этой истории я услышал в Иркутске от брата моего отца – Михаила.

Регулярно, насколько позволяла почта тех лет, они переписывались, пока не наступили «холодные» пятидесятые годы, когда из-за переписки с родственниками, проживавшими за границей, можно было запросто стать «врагом народа». Родители прятали письма, конверты с адресами. И в результате случилось то, чего никто не мог себе представить: зашитый мамой в подушку конверт с адресом превратился за несколько лет в труху.

Подпись на оборотной стороне фотографии сделана от первого лица братом моей бабушки на идиш с элементами иврита (перевод Е. Беляевой)

В центре сидят жених с невестой. Рядом (справа на фотографии. – И.Б.) сижу я (возможно, что это один из братьев моей бабушки. – И.Б.). Имя женичины, которая сидит рядом, перевести не смогли. Далее сидит Сура с мужем. Возле нас стоят Шепсел с Рохель, рядом с Эстер (это невеста; по всей видимости, она является дочерью брата моей бабушки. – И.Б.) сидят мать и отец жениха, затем их дядя.

За ними стоят два брата жениха, рядом с ними стоит самый маленький – Исрулек.

Так была потеряна последняя ниточка, связывавшая бабушку с братьями. Сохранилась лишь одна свадебная фотография, полученная в письме где-то в 1949 году, на которой запечатлен один из братьев моей бабушки. Он сидит с правой стороны от жениха. Рассматривая фото своих далеких и незнакомых мне родственников, я и впрямь поверил, что у них были возможности вывезти всех своих родных в Америку.

Мой дед умер рано, через пять лет после войны, на следующий год после моего рождения. Бабушка Фейга больше не вышла замуж, прожив долгую и полную переживаний жизнь. Так и не смогла она разыскать своих сестер и братьев. Это была ещё одна трагедия людей, живших в стране за железным занавесом. Дома до сих пор хранятся её и мои запросы в Киев, еврейскую общину Нью-Йорка, Чикаго, которые ни к чему не привели.

Война разорвала людские судьбы и нити, связывающие поколения, а значит, потеряна память о мудрости, традициях, жизненном опыте, которую унесли с собой навсегда наши предки. А без прошлого кто мы? Откуда появились на этой земле? Я не теряю надежды, что найду и соединю эти нити, найду ответы на эти вопросы, связывающие мою семью с нашим прошлым.

РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ

По причине отдаленности Молдавии от Дальнего Востока мы обменивались с родственниками по линии маминых родных только письмами. Денег на поездку почти за тридцать земель родителям собрать никак не удавалось. Их хватало только на текущие расходы.

Мы, как грибы после дождя, росли на радость родителям и требовали к себе все больше внимания. Бабушка не очень

желала взвалить на свои плечи ответственность за нас, если бы родители надумали поехать в гости. Да и одна дорога на поезде заняла бы более чем полмесяца, а самолет был исключен из-за ранения папы в голову, не выдержал бы он перелета.

Так получилось, что наши молдавские родственники, за исключением тети Гали, маминой тети, также затерялись. Лишь спустя годы мне удалось впервые побывать на родине мамы – в Молдавии. Эта поездка в 1978 году произвела на меня большое впечатление. Не город Кишинев, и даже не знакомые на удивление названия десятков сел, которые часто встречаются на этикетках винных бутылок. Там была другая атмосфера жизни. Это не русские города и поселки с их привычным и понятным образом жизни.

Молдавия представилась мне смесью молдавского, румынского и цыганского образов жизни, каким-то балаганом, наполненным шумом, гамом, разноцветными платьями и косынками, черными, как антрацит, блестящими глазами жгучих брюнеток с тонкой талией, вокруг которых чуть поодаль прохаживались огненные красавцы в красных атласных рубашках, подпоясанные кушаками.

В Кишиневе встретил дядя, безошибочно вычисливший меня в огромной толпе выходящих из аэропорта людей. На мой вопрос, как он меня узнал, дядя ответил, что я очень похож на маму. Это не убедило, но приятно удивило и обрадовало.

Работал он главным инженером «Молдавплодоовощпрома». Продукцию этого предприятия – консервированные фрукты и овощи – знала вся страна. Только у нас в городе продавалось с десятков наименований различных по емкости стеклянных банок с овощами и фруктами, произведенных этой фирмой.

Знакомство с такими далекими родственниками было интересным и познавательным. Мне предстояло прикоснуться к неизвестной странице семейной истории. Встреча-

ясь с людьми, которые называли себя моими родственниками, ловил себя на мысли, что прежде даже не догадывался об их существовании.

На следующий день человек десять собрались в квартире Ивана Борисовича, или просто дяди Изи, и с большим интересом и с ещё большим недоверием расспрашивали о Биробиджане. Среди них были и заслуженные учителя, и инженеры, и студент, и пенсионеры.

Казалось, что я их даже не интересую как родственник. Они молча и с недоверием слушали мой рассказ о городе, о нашей жизни, о том, что евреи, наравне с остальными, спокойно живут и работают в государственных учреждениях, являются руководителями крупных предприятий, молодежь учится, поступает в институты и т. д. и т. п. Вопросы были и про количество проживающих в Биробиджане евреев, и про антисемитизм, как бытовой, так и государственный, имевший место в виде определенного процента при приеме на работу, поступлении в вузы и даже приеме в партию.

Что касается численности евреев, то мне пришлось им объяснять наш, биробиджанский, подход к этому вопросу. Как известно, статистика не может учесть всех евреев по причине ассимиляции и вынужденного сокрытия национальности, поэтому их реальное количество, возможно, гораздо больше.

К вопросу о проявлениях антисемитизма родственники относились очень болезненно. С недоверием они слушали мои рассказы о том, что за нелюбезные высказывания в адрес евреев их русские друзья зачастую сами разбирались с обидчиком, бескомпромиссно. Мне не дали возможности задать ни одного вопроса, сказав, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Но на моё приглашение приехать к нам в гости или переехать жить в Биробиджан только снисходительно улыбались.

Мой рассказ был для них чем-то вроде еврейской *майсы* (истории), в которую не обязательно верить. Но зато я узнал

о проблемах с антисемитизмом, которые существовали в Молдавии, о настроениях среди евреев, готовых выехать в Израиль на постоянное место жительства. В те годы это было откровением: узнать, как на самом деле, без прикрас, жили евреи в другом уголке нашей страны.

Встречи с родственниками, пожалуй, заставили задуматься над самым серьёзным вопросом. Кто мы были по национальности, мы, родившиеся в Биробиджане в конце сороковых – начале пятидесятых годов? Евреи по паспорту, не прошедшие на восьмой день священный обряд обрезания, не ходившие в синагогу, так как она была закрыта, не соблюдавшие субботу, не знающие своей древней истории и культуры. Русские, украинцы, не понимающие смысла крещения, не приходящие на воскресную церковную службу ввиду её отсутствия. Что за народ такой населял нашу область и Россию? Что святого было в нас, кроме идей марксизма-ленинизма? Мощная государственная идеологическая машина готовила из нас атеистов, патриотов, интернационалистов и, в конечном счете, сделала всё, чтобы мы забыли о своей национальной культуре, о своей национальной принадлежности. Надо сказать, что так оно и вышло.

В Биробиджане межнациональное общение имело свой колорит. В сороковые – пятидесятые годы наши взрослые русские друзья порой понимали идиш и говорили на нем лучше, чем некоторые евреи. Но среди евреев были и такие, которые во чтобы то ни стало хотели поменять в паспорте запись о национальной принадлежности. Они старались казаться русскими, а многие, став старше, мечтали сменить запись в пятой графе, откровенно объясняя цель этого, – чтобы легче было жить дальше, и гордились, когда это удавалось. Запись в паспорте – еврей – в Биробиджане до определенного момента значения не имела. Но как только человек собирался выйти на самостоятельный жизненный путь, эта строчка в пятой графе для многих оборачивалась непреодолимой преградой.

Во многих еврейских семьях, где родители не уделяли воспитанию должного внимания, дети считали себя русскими, пока кто-то на улице не кричал им вслед на эту тему что-нибудь непотребное. И тогда ничего не понимающий ребенок приходил домой и

пытался получить ответ на этот сложный вопрос у своих родителей. В нашем городе таких острых конфликтов было немного. Родители умирляли острых на язык чад, устраивая им иногда порку, примиряя детей по-соседски. Как-никак, но по-другому нельзя было здесь жить: Биробиджан всё же был еврейским городом.

Одну из глав своей книги «Биробиджанское дело» Исраэль Эмиот назвал «Оживление, которое быстро прошло». В ней подтверждаются рассказы моих друзей о присущей, наверное, только Биробиджану атмосфере, царившей в городе в послевоенные годы, когда без милиции и суда на улице наводился порядок, если бы только кто-то заикнулся о еврейском вопросе. Вот как увидел это писатель (перевод с идиш. – И.Б.):

«В Биробиджане все было по-другому. Вспоминаю такую сцену, когда один мужчина, приехавший из Украины, пьяный кричал на улице: “Бей жидов”. И начали собираться вокруг него инвалиды войны. Они сорвали с него всю одежду и прямо на улице ему так надавали, что тот поднял руки вверх и орал: “Люблю евреев”. Это звучит как анекдот, но это было так на самом деле. Биробиджанские жители, выросшие здесь, и приехавшие сюда евреи не поскупились на поддаться ему за антисемитские оскорбления».

(Исраэль Эмиот (Яновский; 1909–1978), еврейский поэт и прозаик. Учился в польских иешивах, получил светское образование, знал иврит, идиш, польский и немецкий языки. В качестве корреспондента Антифашистского еврейского комитета отправился в июле 1944 года в Биробиджан, где и остался жить. Публиковал свои стихи и репортажи в начавшей вновь выходить газете «Биробиджанер Штерн» и в литературном альманахе «Биробиджан». После ликвидации Комитета в 1948 году Эмиот был арестован и осужден по так называемому «биробиджанскому делу». Отбывал срок в лагерях Восточной Сибири. Был амнистирован в 1953 году и вернулся в Биробиджан, затем репатриировался в Польшу. В 1958 году переехал в США, где печатался в изданиях на идиш в США, Израиле, Аргентине и Канаде. В книге «Биробиджанское дело» Эмиот рассказывает о событиях, связанных с ликвидацией Еврейского антифашистского комитета, и своём аресте).

Дядя Изя жил, по моим представлениям, далеко не бедно. Обычная квартира напоминала музей антиквариата – картины, вазочки, какие-то небольшие статуэтки и сияющая чистота. И то, что в его квартире готовила еду и убирала домработница, тогда было для меня каким-то наглядным и живым воплощением жизни из зарубежных фильмов.

Но больше всего удивили не хрусталь и серебро, и даже не импортная мебель, сверкающая лаком, а виноград. Когда на десерт подали гроздь винограда, где ягоды были почти с абрикос, не поверил, что это настоящий виноград, пока не попробовал. Как сказал дядя, сорт назывался «Бычий глаз».

Через день он посадил меня в автобус, и ещё через шесть часов, проехав около 300 километров, я попал в небольшое село Сороки. На автобусной остановке меня встретили тетя Галя с дядей Гришей.

Большой бревенчатый дом, огромный садовый участок с виноградником никак не вязались с моими старыми родственниками. Детей Б-г им не дал, а за таким хозяйством нужен был уход да уход. Но все оказалось много проще и прозаичнее. Как объяснила тетя Галя, у неё не было проблем нанять рабочих для любой работы по дому и винограднику. Почти через одного в селе занимались выращиванием винограда, из которого делали вино, и, продавая его, жили на эти доходы.

В село приезжали на сезонные работы наемные рабочие, а зачастую и те, кто просто не мог без выпивки. Осенью, когда в самом разгаре был сбор винограда и его давили и разливали в бочки, получалось вначале молодое забродившее вино, пьянящий аромат которого притягивал любителей выпить, как пчел на мед. Половина села, как объясняла мне тетя, уходила в беспробудную пьянку на две-три недели, иногда засыпая под забором, благо на улице было тепло. Только протрезвев, они добавляли стакан-другой и опять проваливались в небытие.

Пройдясь меж ровных рядов виноградника, где уже почти ничего не осталось, нашел пару небольших гроздьев зе-

леного винограда, спрятанных под листвой в нижних ветвях лозы.

В пристройке к дому под большим навесом стояли два огромных деревянных чана, из которых медленной струйкой стекал виноградный сок. Затянув пол-оборота на пресе, увидел, как сок потёк веселее.

Молодое вино не понравилось: оно было похоже на нашу бражку – мутное, почти сразу бьющее в голову. Тетя попросила меня залезть в погреб и достать пару бутылок хорошего белого вина. Покрытые пылью бутылки пролежали несколько лет.

В Молдавии умеют делать хорошее вино, но такое домашнее вино я пробовал впервые. Это действительно было, как говорят, что-то. Налив в бокал, я посмотрел через него на солнце. Вино было прозрачным как слеза, чуть соломенного цвета, со дна поднимались искрящиеся маленькие пузырьки, почти как у шампанского. Оно издавало нежный и благоухающий аромат свежего винограда. Это было настоящее, живое, белое сухое виноградное вино – лучшее из того, что довелось продегустировать в те годы.

В комнате, где предстояло ночевать, стояла старинная огромная железная кровать, на которую были уложены одна на другую около десяти подушек разной величины. Взяв их в охапку, хотел переложить на диван. Тетя удивилась и спросила: а зачем их убирать, если на подушках надо спать. Я рассмеялся, не поняв, серьезно она говорит или шутит. Как можно спать на такой горе подушек?

– А ты попробуй! Тебе понравится, вот увидишь.

И действительно, мне пришлось спать на этом воздушном облаке из пуха, в котором, удобно улегшись, утонул и почти моментально заснул. В перине не чувствовалось твердой основы: было такое ощущение, что ты лежишь на водной глади и плавно качаешься на волнах.

Все три дня, проведенные мною в селе, тетя рассказывала о наших родных, о себе. Сожалею, что в то время не записал историю её жизни. Трагедия людей, оставшихся на оккупи-

рованной фашистами земле, вселяет ужас страданиями и невзгодами, которые не дай Бог кому-то пережить.

С детства тетю отдали в белошвейки. Как она потом объяснила, это были специалисты высшей квалификации, которые работали на очень богатых людей, и качество одежды, белья, которое они шили тогда, не уступило бы качеству сшитых сегодняшними мастерами шитья.

Она знала, кроме молдавского и русского, румынский и идиш, на которых свободно говорила, читала и писала. С моей бабушкой тетя обычно переписывалась на идиш, чтобы не прочитали родители.

Как-то, прослышав о её судьбе, к ней приехала из Кишинева журналистка и две недели жила у них в доме, записывая рассказы о прожитой жизни. Она увезла с собой несколько толстых тетрадей и пообещала, что будет готовить книгу. Книгу тетя так и не дождалась, а я не знал, как найти ту журналистку.

Тёте было почти семьдесят лет, но меня поразили исходящий от неё необычный магнетизм: её можно было слушать и слушать, не перебивая и не переспрашивая, настолько логичной и правильной была её речь. Она говорила так, как будто старалась обогреть и заморозить человека теплотой души и сердца. Небесная голубизна её глаз светила, но не пропускала взгляда, пытающегося заглянуть вглубь неё. Вместе с тем чувствовал, что это она рассматривает и вглядывается в меня, будто что-то пытаюсь найти, как потом понял, родственную душу. Для неё это значило больше, чем сходство внешних черт лица.

Она пыталась понять мой характер, ход моих мыслей, моё мироощущение, чтобы найти сходство внутреннего содержания, душевной сути самой близкой её родни. Мудрость и спокойствие тёти передавались собеседнику и внушали абсолютную уверенность в том, что она сказала. Атмосфера домашней теплоты дала мне возможность почувствовать себя не гостем в этом доме. Я ощутил себя свобод-

ным и не стесненным в своих действиях, словно в родном материнском гнезде.

Думаю, есть немного людей, которых природа наделила таким даром общения. Это дано человеку от Б-га. Правда, каждый из нас проходит свой путь понимания сущности окружающего нас мира. Но познать этот мир нужно и можно, только изучив и поняв, как мыслили люди до нас, как представляли его себе и что чувствовали.

Перебирая домашний архив, не раз рассматривал письмо, написанное тетей моей маме на русском языке и бабушке на идиш с фрагментами иврита. С помощью Елены Беляевой, сделавшей перевод, текст письма и в житейском, и в философском смысле предстал каким-то особенным, написанным человеком из другого мира, так как раньше не встречал таких удивительных выражений и сравнений. Речь в письме шла о замужестве моей сестры, и тетя высказывала свой взгляд на это событие и свои пожелания.

Я нигде не читал и не слышал о таких взглядах, может, потому, что культура и традиции передаются из поколения в поколение. А наше детство было обделено этой связью.

Дедушки и бабушки, которые в большей степени должны были заниматься со своими внуками и внучками, у многих отсутствовали, так как не выжили в войну. А те, кто выжил, рассказывали детям в основном о своей тяжелой военной жизни, залечивали свои раны, свою душу.

Наши детские игры повторяли, как в зеркале, историю России. Мы играли то в казаков-разбойников, то в белогвардейцев, которые должны проиграть красным, а русские обязательно били фашистов. Каждый раз до начала игр шел спор, кто из нас на чьей стороне будет выступать. И, конечно, побеждали казаки, красные, русские.

Школьная литература недалеко уходила от этой простой схемы. Начиная с Мальчиша-Кибальчиша и сына полка, мы изучали, идя от простого к сложному, историю нашего государства, написанную в ту бытность идеологами социализ-

ма. Так и проходило наше идейное воспитание на примерах Гражданской и Отечественной войн.

Трагедия всех войн состоит и в том, что они стирают страницы истории, изменяют человеческое сознание, нашу жизнь. Многие потеряли, забыли свои семейные корни, свои истоки. О таких у нас обычно говорили как об «Иванах, не помнящих родства». Есть даже фамилия Непомнящий, известная на Руси с давних времен. Но это не их вина, это беда народа, который не знает и, что ещё хуже, не хочет знать свою историю.

Вчитавшись в письмо, я понял, что окунулся в другой мир – мир человека, в котором традиция была живой и естественной. Тетя писала моей бабушке: *«Любимая, дорогая сватья. Поздравляю вас с тем, что выдаёте замуж вторую внучку. Желаю много счастья. Пусть будет у них сладкая жизнь, пусть радуют родителей она и все дети.*

У нас, евреев, так принято, что если есть девушка, то пусть будут у неё одни достоинства, все лучше, чем у парня. Кто знает, может, у него они меньше, чем у неё. Одно сомнение есть у меня. Может, он боится, что не будет у него невесты, что девушек, как песка в земле, хороших, образованных, с хорошей специальностью и квартирой. Разве это не подходит парню. Мы просим написать нам о том, какие сомнения были у него, когда он женился.

Вы же знаете, что родители невесты умные люди, порядочные, которым хотелось хорошего зятя. Я не говорю, не дай бог, что она не заслуживает хорошего парня. Пусть живет она до 120 лет.

Вы неглупая женщина. Вы знаете, Рива очень хорошая девушка, но ещё она красавица. Сейчас много девушек цепляются к парням, она не такая.

Когда я открыла конверт и увидела приглашение на свадьбу, расплакалась, что Рива выходит замуж. Мне сразу захотелось послать мои подушки до свадьбы. (Это было традицией у евреев – при замужестве дарить подушки. – И.Б.) Но когда надела очки, я увидела, что мизиник (самый младший ребенок в семье. – И.Б.) уже выпил за старшую сестру. Я верю в их брак.